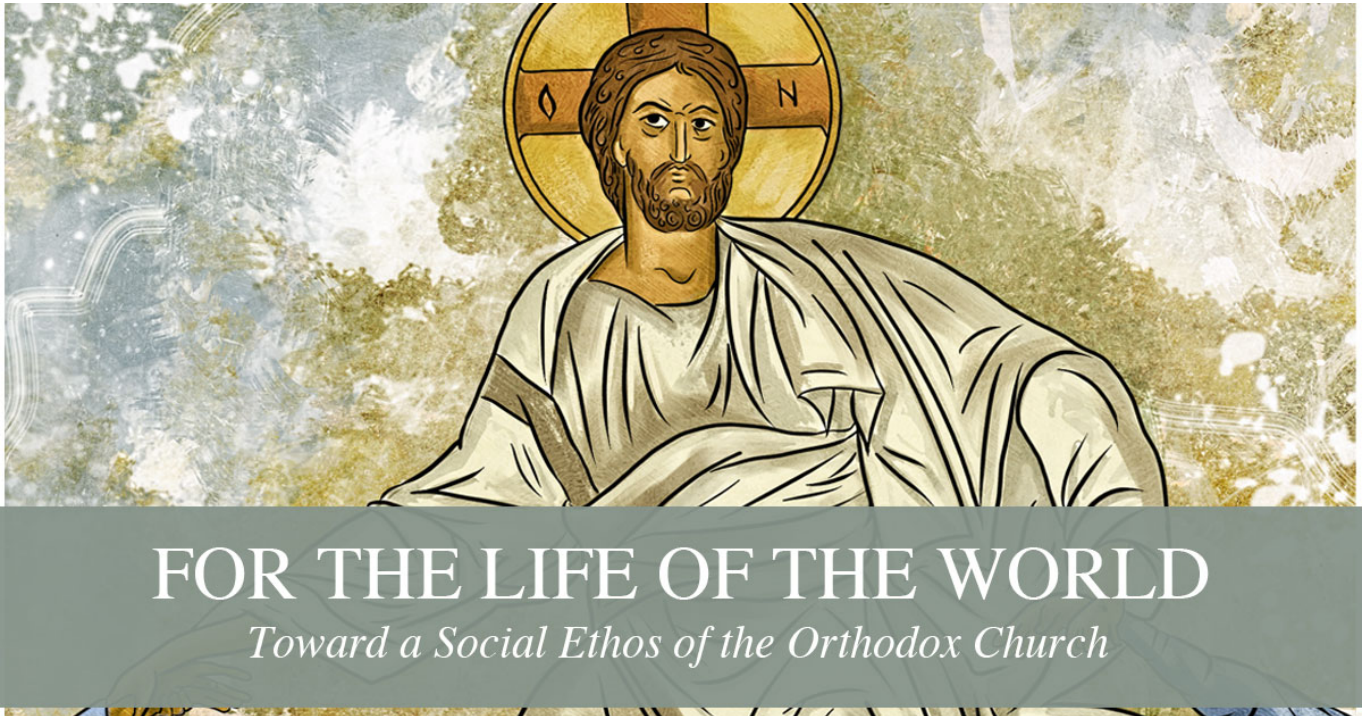

14/04/2020

ЗА ЖИЗНЬ МИРА - На пути к социальному этосу Православной Церкви

I. Вступление

Время служить Господу

§1 Православная Церковь понимает человеческую личность как сотворенную по образу и подобию Божию (Быт. 1:26). Это значит – для свободного и сознательного общения и единения с Богом в Иисусе Христе, поскольку мы созданы в Нем, через Него и для Него (Кол. 1:16). Св. Василий Великий утверждает, что из всех живых существ человек был наделен прямохождением, чтобы смотреть вверх и видеть Бога, поклоняться Ему и признавать в Нем свой источник и происхождение. Вместо того чтобы быть «опущенной к земле», «его голова находится наверху и посажена прямо, дабы взирать на родственную человеку высоту»[\[1\]](#). И поскольку мы созданы ради приобщения Богу в Иисусе Христе, Ириней Лионский пишет, что человек был сотворен по образу Христа[\[2\]](#) (2 Кор. 4:4). Служение Богу через молитву и действия рождается из хвалы, исполненной любви, и из благоговейной благодарности за жизнь и все дары, которые Бог подает через Сына в Духе. В своей основе наше служение Богу доксологично по природе и глубоко евхаристично по характеру.

§2 Сказать, что мы созданы для служения Богу, означает, что мы призваны к общению в любви: приобщению Царству Отца, и Сына, и Святого Духа; и через общение с Богом-Троицей – к любовному общению со своими ближними и со всем космосом. Наши действия должны проистекать из любви к Богу и любовного единения с Ним во Христе и через Христа, в Котором мы встречаем нашего брата и сестру, относясь к ним, как к самой нашей жизни[\[3\]](#). Это общение со Христом в лице нашего ближнего лежит в основе первой великой заповеди Закона любить Бога всем сердцем и ближнего своего как самого себя (Мф. 22:37-39)[\[4\]](#).

§3 Будучи сотворен по образу и подобию Божию, каждый человек уникален и бесконечно драгоценен, и каждый является особым объектом Божией любви. Как учил Христос, «у вас и волосы на голове все сочтены» (Лк. 12:7). Безграничная любовь Божия к каждому отдельному человеку и ко всему творению превосходит человеческое понимание. Она сообщается нам с абсолютной щедростью – Богом, помнящим не о наших грехах, а о Своей собственной воле, чтобы никто не погиб (2 Пет. 3:9), но чтобы все были спасены и достигли познания истины (1 Тим. 2:4). Следовательно, это любовь, которая стремится привести каждого из нас во все большее соответствие с Божией благостью, и которая поэтому неустанно побуждает нас возвращать в себе – в мысли, слове и деле – любовь к ближнему и к каждому творению Божию, столь же безграничную, как и любовь Божья (Мф. 5:43-48). Она призывает нас ко все более тесному общению друг с другом, со всеми теми, к

чьей жизни мы прикасаемся, с полнотой творения, и, таким образом, с Ним, Творцом всего. Более того, конечное предназначение, к которому мы призваны, есть не что иное, как *теозис*: наше обожение и преображение Святым Духом в членов Тела Христова, соединенных в Сыне с Отцом, через которое мы становимся истинными участниками божественного естества. Согласно св. Афанасию, «Оно [Слово Божие] вочеловечилось, чтобы мы обожились»^[5]. Но тогда это предназначение должно быть коллективным, поскольку только через участие в общине Тела Христова каждый из нас, как уникальный объект божественной любви, может войти в полное единение с Богом. Поэтому наша духовная жизнь необходимо является также и общественной жизнью, а благочестие – этосом.

§4 Мы живем в мире, в котором царит падший порядок, разрушенный, омраченный, порабощенный смертью и грехом, терзаемый насилием и несправедливостью. Это не то состояние, которого Бог желает для Своего творения; это следствие древнего отчуждения мира от его Создателя. Как таковая, эта реальность никоим образом не может диктовать или устанавливать пределы нашей нравственной ответственности перед ближними. Мы призваны служить Царству не от мира сего (Ин. 18:36), такому миру, который мир сей дать не может (Ин. 14:27). Поэтому нам следует не приспособляться к прагматичным потребностям этого мира, а вновь и вновь бороться со злом, каким бы непобедимым оно порой ни представлялось, и трудиться ради любви и справедливости, как того ожидает Бог от Своих созданий, каким бы напрасным этот труд подчас ни казался. На пути к богообщению человечество призвано не просто принять, а скорее благословить, возвысить и *преобразить* этот мир, чтобы его внутреннее благо могло проявиться даже среди его грехопадения. В этом особая цель человеческой жизни, первосвященническое призвание существ, наделенных разумной свободой и совестью. Нам, конечно, известно, что труд преображения никогда не будет завершен в этой жизни и сможет достичь полноты только в Царстве Божиим; и все же наши дела любви приносят плоды уже здесь и ожидаются от всякого, кто желает войти в жизнь будущего века (Мф. 25:31-46). Более того, Церковь знает, что такие усилия никогда не бывают напрасными, так как во всех трудах верных действует также и Святой Дух, силой Которого все приносит свой плод в надлежащее время (Рим. 8:28).

§5 Поскольку требования христианской любви нескончаемы, во многих случаях сочетавшиеся Христу могут быть призваны подражать Божией благодати вплоть до самопожертвования, по образу своего Господа. Труд по

преображению космоса – это также борьба со всем искаженным и зловредным как в нас самих, так и в поврежденной структуре и ткани страждущего творения, и это значит, что он необходимо должен быть аскетическим. Более всего мы призваны бороться с упрямым эгоизмом собственных греховных склонностей и предпринимать постоянные усилия, чтобы воспитывать в себе то око милосердия, которое одно способно видеть Лик Христов в лице каждого из наших братьев и сестер, «наименьших» из встреченных нами, как если бы каждый из них был Сам Христос (Мф. 25:40, 45). Отсюда употребление апостолом Павлом образа тренирующегося атлета как метафоры христианской жизни (1 Кор. 9:24–27). Но этот труд тоже нужно выполнять сообща, как совместное усилие единого тела, многие члены которого укрепляют и поддерживают друг друга в жизни, исполненной взаимной любви и служения. Это воистину труд любви, а не страха, естественное выражение жизни, преображенной Духом Святым, жизни в радости, в общем сердце которой находится Евхаристия – вечно возобновляемое празднование щедрого самопожертвования Бога, приобщение самих Его Тела и Крови ради жизни мира. Каждый раз вновь отдавая Себя в Евхаристическом Таинстве, Христос навсегда привлекает нас к Себе и тем самым – друг ко другу. Он также дарует нам предвкушение того брачного пира Царства, на который позваны все люди, даже те, которые в настоящее время находятся вне видимого общения с Церковью. Как бы ни были тяжелы труды христиан в этом мире, в силу послушания закону божественной любви их укрепляет глубокая и ничем неостановимая радость.

§6 Самое надежное основание и программа православного социального этоса содержатся, прежде всего, в учении Христа. Ничто в Евангелии нашего Господа не является более отчетливым и постоянным, чем Его абсолютная забота и сострадание к бедным и бесправным, оскорбленным и забытым, заключенным, голодным, утомленным и обремененным, отчаявшимся. Осуждение Им роскоши богатых, безразличия к положению угнетенных и эксплуатации обездоленных – бескомпромиссно и недвусмысленно. В то же время, нежность Его любви к «наименьшему из них» безгранична. Никто из тех, кто стремится следовать за Христом, не может не подражать ни Его негодованию на несправедливость, ни Его любви к притесняемым. В этом отношении Христово учение подтверждает и усиливает самые высокие и универсальные нравственные требования Закона и Пророков Израиля: обеспечение нуждающихся, забота о чужестранцах, справедливость по отношению к обиженным, милость ко всем. Однако самые яркие примеры христианской общественной морали мы находим в жизни Апостольской Церкви, которая в эпоху империи создала для себя новый тип политического

устройства. Он был отделен от иерархий человеческого правления и от любого социально-политического насилия, хронического и грубого, применяемого по отношению к тем, за счет кого эти иерархии существовали. Первые христиане являли сообщество, радикально приверженное жизни в любви, в котором всякие иные формы верности – нации, расе, классу – были заменены исключительной преданностью Христову закону милосердия. Это было сообщество, основанное на знании, что во Христе нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, нет какого-либо неравенства в достоинстве между мужчиной и женщиной, потому что все – одно (Гал. 3:28). И потому это было также сообщество, которое всем владело сообща, обеспечивало нуждающихся и позволяло своим состоятельным членам возвращать на благо всех излишки, которые они пожинали от творения (Деян. 2:42-46; 4:32-35); и это не требовало иного закона и полномочий для его исполнения, кроме любви. Хотя Православная Церковь знает, что общество в целом исходит из других принципов и что христиане в любое время и в каждом месте могут лишь в ограниченной мере врачевать социальные недуги, она все же придерживается идеала Апостольской Церкви как чистейшего выражения христианского милосердия в социальной логике и общинной практике, и судит обо всех человеческих политических и социальных механизмах в свете этой божественно установленной модели.

§7 Все народы обладают некоторым знанием о добре, и все они до известной степени способны воспринимать требования справедливости и милосердия. Хотя сыны и дочери Израилевы получили особое благословение, приняв Закон Моисея, и хотя Церковь обладает особым знанием любви Божией, явленной в Лице Христа, все же глубочайшие нравственные заповеди Закона Божия вписаны в каждое человеческое сердце (Рим. 2:15) и обращаются к человеческим разуму и воле как побуждения совести. Итак, как утверждает св. Ириней, божественные заповеди, необходимые для спасения, насаждены в человечество от начала времен[6]; они, «естественные, благородные и всем общие», впоследствии были усилены, обогащены и углублены в новом завете свободы, который Христос передал Своей Церкви[7]. Эти заповеди есть «закон ума»[8]; они относятся к числу глубочайших разумных принципов, вечных *логосов*, вписанных в основания творения и вечно пребывающих в Логосе, Божественном Сыне[9]. Следовательно, во многих случаях «взамен закона достаточно совести и разума»[10]. Но во Христе мы получили новое излияние Духа и стали новым, святым, священническим народом, заключив новый завет свободы – завет, который не отменяет естественного закона, а скорее расширяет его охват и делает его требования к нам абсолютными. Это

означает, что христианам дозволено – впрочем, они даже обязаны – быть для мира пророческим присутствием и обращаться не только к закрытому сообществу крещеных, но и ко всему творению, повсюду напоминая людям о законах, вписанных в само их естество, и призывая к освящающему труду справедливости и милосердия. И великим примером для нас здесь служит Божия Мать, ибо именно Она, свободно согласившись стать местом личностного пришествия божественной любви – в сотрудничестве (*синергии*) с Богом – завещает нам чистейший образ истинного послушания закону Божию в готовности отдать Себя без остатка присутствию Сына Божия, стать прибежищем и скинией Его обитания в этом мире, принять Божественный *Логос* как высшее призвание и величайшее исполнение нашей природы.

II. Церковь в общественной сфере

Всю жизнь нашу Христу Богу предадим

§8 Основание христианской надежды лежит в Царстве Божиим, а не в царствах мира сего. Церковь не надеется «на князей, на сынов человеческих, в которых нет спасения» (Пс. 145[146]), но на Сына Божия, вошедшего в историю, чтобы освободить творение от всех разлагающих падший мир практик и структур греха, угнетения и насилия. На протяжении своей истории христиане жили при разных формах правления – империях, тоталитарных режимах, либеральных демократиях, в странах с христианскими институтами или другими официальными вероисповеданиями, в секулярных обществах – из которых одни проявляли дружелюбие к институциональной Церкви, другие враждебность, третьи – безразличие. Однако независимо от того, подданными какого политического режима они являются, в этом мире христиане пребывают у себя дома, прежде всего, тогда, когда совершают (иногда открыто, иногда тайно) Святую Евхаристию, во время которой они призваны «отложить все земные попечения» (Божественная литургия св. Иоанна Златоуста) и войти одновременно и в единство Тела Христова в истории, и во внеисторическую радость Царства Божия. Совершаемая и разделяемая верными, Евхаристия каждый раз заново образует истинный христианский строй и сияет как икона Царства Божия, имеющего осуществиться в искупленном, преображенном и прославленном творении. Евхаристия как таковая также является пророческим знаменем, будучи одновременно и критикой всех политических режимов в той мере, в какой им недостает божественной любви, и призывом ко всем народам искать прежде Царства Божия и правды его (Мф. 6:33). На земле мы не имеем постоянного града и вместо него должны искать града грядущего (Евр. 13:14); здесь мы странники и пришельцы (Евр. 11:13). Но

здесь мы также наслаждаемся предвкушением окончательного искупления всего общественного порядка в Царстве Божием, и нам доверено явить народам знамение, призывающее их к жизни в мире и любви под покровом Божиих обетований.

§9 Хотя никакие формы человеческого правления не соответствуют полностью Царству Божию, Православная Церковь не может считать их равными друг другу. Например, она безоговорочно осуждает любые виды институциональной коррупции и тоталитаризма, зная, что они не могут принести ничего, кроме массовых страданий и угнетения. Более того, Церковь не настаивает на том, чтобы верующие во Христа граждане определенных государств в любой мыслимой ситуации подчинялись властям или соглашались с социальным и политическим порядком, в которых они находятся. Конечно, Сам Христос признал право гражданской власти собирать налоги, когда сказал: «Итак отдавайте кесарево кесарю» (Мф. 22:21). И действительно, при весьма особых обстоятельствах апостол Павел повелел римским христианам подчиниться законно установленным гражданским властям города и империи и даже признал законной власть тех, кто «носит меч» — *machairophoroi*, то есть солдат, военной полиции, гражданских охранников или сотрудников налоговых органов, уполномоченных сохранять общественный мир (Рим. 13:1-7). Но этот конкретный совет явно не представляет собой некую абсолютную норму христианского поведения во всех мыслимых обстоятельствах. Об этом мы знаем из слов апостола Петра, обращенных к Иерусалимскому синедриону, который был должным образом назначенным органом Иудеи с юридическими полномочиями: когда указы даже законной политической власти противоречат нашему христианскому долгу, «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29). Более того, предостережения Павла, адресованные христианам Рима, касались исключительно положения Церкви, находившейся под властью языческой империи, и сегодня ничего не говорят нам о том, как христиане должны налаживать жизнь общества и содействовать гражданскому миру, когда они сами обладают властью, или о том, чего они могут требовать от народов и правительств, осуществляя свое пророческое призвание возвещать и свидетельствовать о Божией справедливости и милости к миру. Даже Христос, очищая Иерусалимский храм от менял и торговцев, не колеблясь бросил вызов как властям, обеспечивавшим охрану Иудейского храма, так и римским постановлениям против гражданских беспорядков, имевшим универсальный характер. Конечно, Церковь должна стремиться жить в мире со всеми людьми, в какой бы стране она ни находилась, и предлагать этот мир каждому. В

большинстве случаев это требует подчинения законам, действующим в этих странах. И все же в некотором смысле Церковь всегда остается инородным присутствием в любом человеческом устройении и признает, что суд Божий в какой-то мере падает на всякую политическую власть людей. Христиане могут и часто обязаны участвовать в политической жизни обществ, в которых они живут, но всегда делать это как служители правды и милости Царства Божия. Таково было предписание самых ранних христианских времен: «Ибо нас учили начальникам и властям, поставленным от Бога, воздавать приличную и безвредную для нас честь»[\[11\]](#). Иногда такое участие может проявляться не в абсолютном повиновении, а в гражданском неповиновении и даже восстании – в силу гражданства более высокого порядка. Христианин должен быть верен в первую и последнюю очередь Царствию Божию, тогда как верность чему-либо другому является не более чем временной, преходящей, частичной и случайной.

§10 В наши дни во многих странах мира гражданский порядок, свобода, права человека и демократия – это реалии, которым граждане могут доверять; и эти общества ощутимым образом предоставляют людям фундаментальную для их достоинства свободу искать и преследовать благие цели для себя, своих семей и общин. В контексте всей истории человечества это действительно очень редкое благословение, и со стороны христиан было бы неразумно и немилосердно не испытывать искренней благодарности за особый демократический дух современной эпохи. Православные христиане, которые пользуются немалыми преимуществами жизни в таких странах, не должны относиться к этим ценностям как к чему-то должному, а, напротив, активно их поддерживать и работать над сохранением и расширением демократических институтов и обычаев в правовых, культурных и экономических рамках своих обществ. Среди православных христиан существует своего рода опасный соблазн поддаться изнурительной и во многом химерной ностальгии по некоему давно минувшему золотому веку и вообразить, что он представлял собой нечто вроде единственного идеального православного государственного устройства. Такое представление может привести к особо пагубному виду ложного благочестия, когда преходящие политические формы православного прошлого, такие как Византийская империя, ошибочно принимаются за сущность Апостольской Церкви. Особые преимущества, которыми Церковь пользовалась при христианском правлении, возможно, и позволили созреть и сформироваться особому православному этосу на политических пространствах, населенных православными христианами, но они также имели печальный побочный эффект, связав Церковь некоторыми парализующими ограничениями.

Слишком часто Православная Церковь допускала смешение национальной, этнической и религиозной идентичностей, до такой степени, что внешние формы и язык веры – напрочь лишенные своего истинного содержания – стали под видом христианских использоваться в качестве инструментов продвижения национальных и культурных интересов. И это часто препятствовало Церкви в ее призвании возвещать Евангелие всем народам.

§11 Именно поэтому Константинопольский собор 1872 года осудил «филетизм», то есть подчинение православной веры этническим идентичностям и национальным интересам. Любовь к собственной культуре – высокое чувство, если оно искренно и сочетается с готовностью признавать красоту и благородство других культур, приветствовать межкультурные обмены и плодотворное взаимообогащение всех. Также и патриотизм может быть положительным и полезным чувством, если не принимать его за добродетель в себе или за моральное благо, даже когда страна становится глубоко несправедливой или разрушительной. Но христианам категорически запрещается создавать из своей культурной, этнической или национальной идентичности идолов. Для христианской совести неприемлемы ни «христианский национализм», ни любая другая форма национализма. К сожалению, в настоящее время это следует подчеркнуть в связи с неожиданным распространением во многих развитых странах мира наиболее коварных идеологий идентичности, включая воинственные формы национализма и кощунственные расовые философии. Преступления, порожденные расовой несправедливостью, – от возрождения работорговли по расовому признаку в раннее Новое время до позднейших режимов южноафриканского апартеида или правовой сегрегации в Соединенных Штатах Америки, которые все осуществлялись с помощью как организованного, так и случайного насилия, – безусловно, являются частью всей современной западной истории; но расовая идеология как таковая – это токсичный пережиток суеверий псевдонауки конца XVIII – начала XX веков. И хотя подлинные научные достижения (в таких областях, как молекулярная биология, особенно геномика) разоблачили саму концепцию отдельных рас или отдельных генетических клад внутри человеческого вида как порочную фантазию, не имеющую никакого основания в биологической реальности, ядовитое понятие расы остается частью мира идей позднего модерна. Не может быть большего противоречия с Евангелием. Есть лишь один человеческий род, к которому принадлежат все люди, и все как один призваны стать единым народом в Боге-Творце. Нет иного человечества, кроме единого и универсального, воспринятого Сыном Божиим, ставшим Человеком, которое охватывает всех людей без различия и дискриминации.

Однако, к сожалению, появление новых форм политического и националистического экстремизма привело к проникновению лиц, приверженных расовой теории, даже в различные православные общины. Православная Церковь безоговорочно осуждает их взгляды и призывает их к полному раскаянию и покаянному примирению с Телом Христовым. И если в православной общине становится известно о таких людях и она не может побудить их отречься от поощряемого ими зла, она обязана их разоблачить, осудить и исключить. Всякая церковная община, которая не может этого сделать, предаёт Христа.

§12 Независимо от политического порядка, в котором они находятся, каждый раз после совершения Святой Евхаристии православные христиане должны заново входить в мир как свидетели вечного Царства Божия. Встречаясь с теми, кто не разделяет их веры, они должны помнить, что каждый человек – живая и незаменимая икона Бога, написанная Им для Себя в глубинах человеческого естества. Никто не должен пытаться продвигать христианскую веру с помощью политической власти или юридического принуждения. Этот соблазн часто был – и в некоторых случаях остается – особенно острым в православных странах. Одним из наиболее разрушительных с нравственной точки зрения аспектов современной демократической политики является тенденция порочить и оскорблять – по сути, даже демонизировать – тех, с кем мы не согласны. По-видимому, ни в каком другом пространстве современный христианин не должен бороться с господствующими тенденциями эпохи и, напротив, стремиться к послушанию заповеди любви так усердно, как в пространстве политического. Православные христиане должны выступать в поддержку языка прав человека не потому, что он полностью соответствует Божию замыслу о Его творениях, а потому, что он сохраняет чувство неприкосновенной уникальности каждой личности и приоритет блага человека перед национальными интересами, а также обеспечивает законодательную и этическую грамматику, на основе которой все стороны, как правило, могут прийти к определенным базовым соглашениям. Язык прав человека предназначен для исцеления разделений в тех политических сообществах, в которых приходится сосуществовать людям с очень разными убеждениями. Он делает возможными общую практику и этос почитания бесконечного и неотчуждаемого достоинства каждого человека (достоинства, которое Церковь, конечно, считает отражением образа Божия во всех людях). Православные христиане должны признать, что для сохранения и развития справедливого общества необходим язык общественного согласия, который настаивал бы на неприкосновенности человеческого достоинства и свободы.

И язык прав человека способен достигать этой цели с поразительной ясностью. Безусловно, православные христиане не должны страшиться реальности культурного и социального плюрализма. Более того, они должны радоваться динамичному взаимодействию человеческих культур в современном мире, являющемуся одним из особых достижений нашего века, и считать благословением, что все культуры, во всем их разнообразии и красоте, все чаще и чаще занимают одно и то же гражданское и политическое пространство. На самом деле Церковь обязана поддерживать те государственные стратегии и законы, которые наиболее способствуют такому плюрализму. Более того, она должна благодарить Бога за богатство всех культур мира и за благодатный дар их мирного сосуществования в современных обществах.

§13 Часто говорят, что наш век – секулярный. Это, конечно, не означает, что религия исчезла из всех обществ. В некоторых из них она остается культурной силой, столь же мощной, как и прежде. И даже в самых обмирщавших и секуляризованных странах Запада религиозные верования и практика остаются намного более живыми, чем можно было бы ожидать, будь религиозный импульс просто случайным аспектом человеческой культуры. Но конституции большинства современных государств, даже тех, которые формально признают официальную Церковь, предполагают в качестве гражданского приоритета общественное пространство, лишенное присутствия религиозных объединений, и политический строй, свободный от церковной власти. Многие люди в наши дни действительно полагают, что демократическое общество возможно лишь в той степени, в какой религия полностью вытеснена в частную сферу и не играет никакой роли в формировании политики. Это, конечно, неразумное требование, которое становится деспотическим, если его навязывают с помощью принудительных правовых мер. Этические убеждения человека не формируются в идейном вакууме. Приверженность религии является неотъемлемой частью процесса, в котором общины и отдельные индивиды получают представление об общем благе, нравственном сообществе и социальной ответственности вообще. Заглушить голос веры в публичном пространстве означает заглушить также голос совести очень многих граждан и вообще исключить их из общественной жизни. Однако в то же время расторжение давнего договора между государством и Церковью – или трон и престолом – для христианской культуры стало великим благословением. Оно освободило Церковь от того, что слишком часто представляло собой рабское и нечестивое подчинение земной власти и соучастие в ее злых делах. На самом же деле Церковь заинтересована в том, чтобы институциональная связь христианства с

интересами государства была как можно слабее – не потому что Церковь стремится выйти из общества, а потому что призвана возвещать миру Евангелие и во всем служить Богу, не компрометируя себя сообразованием с мирскими амбициями. Поэтому Православная Церковь должна благодарить Бога за то, что Он промыслительно допустил сокращение ее политического влияния в большинстве стран древнего христианского мира, дабы она могла более добросовестно осуществлять и развивать свою миссию среди всех народов и людей. Несомненно, Церковь может вполне благополучно уживаться с политическим строем, который не навязывает своим гражданам богословских взглядов принудительными методами, поскольку такой строй позволяет Церкви гораздо чище и непосредственнее обращаться к разуму и совести каждого человека.

§14 Это никоим образом не препятствует прямому и активному сотрудничеству Церкви с политическими, гражданскими властями и с государственными органами в продвижении общего блага и творении дел милосердия. Христианство началось как движение религиозного меньшинства в культуре империи, которая к его присутствию была либо безразлична, либо враждебна. Даже тогда, в трудные времена, такие как периоды эпидемии или голода, христиан часто отличала самоотверженность в служении ближним. И на протяжении первых веков христианства забота Церкви об обездоленных – особенно о вдовах и сиротах, которые зачастую были самыми нуждающимся и незащищенными людьми древнего мира – сделала ее первым организованным институтом социального обеспечения в западном обществе. Более того, самым значительным изменением в правовой и социальной структуре имперского общества после обращения в христианство стало колоссальное расширение благотворительных ресурсов и социальной ответственности Церкви. Отношения Церкви и государства в период христианской империи невозможно охарактеризовать в общих чертах. Этот союз принес и добрые, и худые плоды. Но не вызывает сомнений грандиозный прогресс в западной концепции общего блага, которая была заложена и неспешно, с некоторыми перерывами, развивалась благодаря вхождению христианского сознания в социальную грамматику позднеантичного мира. Со временем это сотрудничество ради общего блага закрепилось в православной традиции под названием «симфонии» в новеллах императора Юстиниана[12]. Этот же принцип функционировал в конституциях многих православных национальных государств в период после падения Османской империи. И сегодня принцип *симфонии* может и дальше направлять Церковь в ее попытках сотрудничать с правительствами ради

общего блага и бороться с несправедливостью. Однако он не может служить оправданием для навязывания религиозной ортодоксии всему обществу или для продвижения Церкви как политической силы. Скорее он должен напоминать христианам о том, что их приверженность общему благу – в отличие от чисто формальной защиты индивидуальных свобод, узкопартийных интересов и корпоративной власти – является истинной сущностью демократического политического строя. Если в центре общественной жизни не звучит язык общего блага, демократический плюрализм слишком легко вырождается в чистый индивидуализм, абсолютизм свободного рынка и духовно разлагающее потребительство.

III. Жизненный путь человека

Освяти наши души и тела, и дай нам с благоговением служить Тебе во все дни жизни нашей

§15 Земной путь человека – если он достигает своего естественного завершения – начинается с момента зачатия в утробе матери, простирается из детства в зрелость и, наконец, завершается сном телесной смерти. Однако этапы человеческой жизни для каждой души различны, и каждый путь, избираемый человеком по собственной воле или нет, ведет к возможностям либо святости, либо духовного рабства. И возможности аскетического самоотречения в служении Божией любви и делу преображения творения в каждой жизни уникальны. Надлежащее завершение всякой достойно прожитой жизни – это «видеть Бога лицом к лицу» (1 Кор. 13:12), в обожении (теозисе): «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3:2). Однако путь, который каждый человек проделывает в жизни, отягощен также искушениями, в особенности соблазном следовать за тем, что ведет только к личной выгоде или самовозвеличиванию, а не к проявлениям любви к Богу и солидарности с ближним. Церковь стремится сопровождать душу христианина на протяжении всего ее земного пути, давая не только советы, но и средства для достижения святости. И на каждом этапе Церковь предлагает различные образы жизни во Христе, различные призвания для христианской жизни, и все они заключены в одном высшем назначении – искать Царства Божия и правды его.

§16 Благоговение Православной Церкви перед образом Божиим, даже в самых малых из нас, выражается не только в крещении младенцев, но и в их безотлагательном допуске к Евхаристии. Это является наибольшим

таинственным подтверждением Христова призыва, обращенного к апостолам, находить истинный образец жизни в Царстве Божием в невинности детей (Мф. 19:14; Мк. 10:14-16; Лк. 18:16-17). Сам Христос вошел в этот мир через утробу Матери и прошел через младенчество и детство, «преуспевая в премудрости и возрасте» (Лк. 2:52). Хотя Предвечный Сын Божий воспринял и тем самым освятил и прославил каждый аспект человеческой жизни, в Его подверженности хрупкости и зависимому состоянию младенчества и детства особенно ярко раскрылся удивительный масштаб самоизливающейся Божией любви в деле нашего спасения. Поэтому невинность детей необыкновенно свята. Это знак жизни Царства, благодатно присутствующей прямо посреди нас, и как таковая она должна быть предметом непрестанной заботы и усердия Церкви. Защита детей и забота о них – это самый основной и важнейший показатель приверженности любого общества добру. Как предупреждал Христос, «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6; ср. Мк. 9:42; Лк. 17:2). Грехи против невинности детей – это грехи особенно отвратительного рода. Нет преступления против Бога худшего, чем сексуальное надругательство над детьми, и нет ничего более невыносимого для совести Церкви. Все члены Тела Христова обязаны защищать детей от этого зла, и нет такой ситуации, когда член Церкви, узнав о любом случае сексуального насилия над ребенком, не должен был бы немедленно сообщить о нем гражданским властям или местному епископу. Более того, каждый верующий христианин точно также обязан разоблачать тех, кто скрывает такие преступления от общественности или покрывает их с целью предотвратить законное наказание. Ни один священник не должен давать отпущение грехов виновному в таком преступлении, пока тот не сдастся уголовным органам. Также Церковь призвана во всем мире защищать тех детей, которые – даже в эпоху, когда уровень детской смертности и заболеваемости в мировом масштабе падает – во многих местах все еще подвергаются войнам, рабству, нищете, детскому труду и (в особенности в случае юных девушек) договорным бракам, часто заключенным в совсем раннем возрасте. Пока такие условия сохраняются в любой части мира, Церковь не может перестать содействовать их преодолению, обращаясь к государственным властям, занимаясь благотворительной деятельностью, оказывая помощь в программах усыновления и отстаивая интересы малых сих. Церковь также несет ответственность за повсеместное улучшение условий жизни детей в местах с недостаточным доступом к чистой воде, хорошему медицинскому обслуживанию, вакцинации и за удовлетворение прочих их базовых

потребностей. Церковь должна каждую минуту разъяснять детям, что Господь их знает и любит, непрестанно прославляя исключительные дары детства: спонтанную радость, любознательность, воображение и доверие. Действительно, как учил нас Христос, взрослые должны учиться подражать детям в этих естественных дарах: «Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18:4).

§17 В наше время, как никогда ранее, в свободное время дети подвергаются воздействию электронных устройств и средств массовой информации, которые в значительной степени поощряют беспрестанное приобретение материальных благ. Как заявил в 2016 году в Рождественском послании Его Всесвятейшество Вселенский Патриарх Варфоломей, «детские души изменяются под влиянием электронных средств массовой информации, особенно телевидения и интернета, заполняющих досуг детей, а также вследствие радикальных изменений в способах коммуникации. Ненасытная экономика с раннего возраста превращает их в потребителей, и погоня за удовольствиями быстро убивает детскую невинность». Церковь и родители должны всегда помнить, что желания формируются в детстве, а вместе с ними и характер. Грубое упущение – позволить детям настолько погрузиться в мир мимолетных материалистических увлечений и банальных материальных желаний, что их глубинные способности к любви, бескорыстию, уважению, великодушию, радости от простых вещей и безразличию к личному имуществу останутся неразвитыми. Христос призывал Своих последователей подражать простодушию детей, но большая часть современной капиталистической культуры пытается лишить детей именно этой драгоценной добродетели и взамен превратить их в орудия чистой алчности. Защита детей от этого глубокого извращения их сотворенной природы – одна из самых неотложных обязанностей взрослых христиан в эпоху массовых коммуникаций. Св. Иоанн Златоуст советует родителям служить «стражами чувств» для своих детей[13]. Страж – не тиран, разъясняет Златоуст; но, контролируя доступ к миру, он наделяет ребенка способностью управлять своими желаниями в дальнейшей жизни. И возможно, что эта роль стража сегодня более важна, чем когда-либо, учитывая степень поглощенности наших чувств непрекращающимся шумом и зрелищем современных средств массовой информации.

§18 В большинстве домодерных обществ за детством непосредственно следовала взрослая жизнь, а вместе с ней в большинстве случаев начиналась жизнь трудовая. В наше время мы все чаще начинаем рассматривать переход от детства к взрослой жизни как промежуточный – и не обязательно краткий

- этап. Например, многие молодые люди, желая распознать свое призвание, некоторое время выжидают, прежде чем оторваться от дома своего детства и начать самостоятельную жизнь, и во многих случаях им требуется еще больше времени, прежде чем вступить в брак, родить детей и завести собственное хозяйство. Как и в случае со всеми масштабными социальными переменами, эта реальность сопряжена как с преимуществами, так и с опасностями. Главное преимущество предоставления молодым людям более продолжительного времени для распознавания в себе особых даров и призваний состоит в том, что это освобождает их от огромной боязни совершить непоправимую ошибку в сфере карьеры. Главная же опасность связана с тем, что в некоторых случаях длительный период принятия решения может способствовать склонности к нерешительности, даже к постоянной отсрочке, и, следовательно, к неестественно продолжительному состоянию зависимости, незрелости и неопределенности. Здесь Церковь должна быть готова давать советы и ободрять молодежь: побуждать ее идти по жизни с верой, но делать это благоразумно и с молитвой, всерьез стараясь выявлять те особые дары, которыми Бог наделил молодежь, чтобы она преображала падший мир и служила Божией правде и милости вместе с другими людьми. Церковь должна четко осознавать, что именно на данном этапе жизни сексуальность и характер сексуального влечения становятся предметом особого беспокойства, а во многих случаях – причиной испуга и даже смятения. Само по себе это не является чем-то новым для человеческой природы, но мы живем во времена, когда сексуальность стала очередной областью человеческой жизни, которую захватила логика потребительства и динамика рынка. Сегодня сексуальность фактически стала в той же мере товаром или стратегией потребления – соблазнительной в силу своей гибкости и распространенности – в какой она является врожденным измерением человеческой личности. Церковь и сообщество верующих должны предложить молодежи представление о сексуальных отношениях как о животворных и преображающих, как об интимном союзе тела, разума и духа, освященном святым супружеством. Тело – это «храм живущего в вас Святого Духа» (1 Кор. 6:19), и даже в своем сексуальном измерении оно призвано демонстрировать святость места Божиего обитания.

§19 Мы живем в эпоху, когда сексуальность все больше понимается как личная судьба и даже частное дело человека. Множество социально-политических дискуссий в современном мире посвящено различным требованиям и потребностям гетеросексуальных, гомосексуальных, бисексуальных и других сексуальных «идентичностей». Простой психофизиологический факт состоит в том, что природа индивидуального

сексуального влечения в таких вопросах – это не только следствие частного выбора; в значительной степени многие наклонности и стремления плоти и сердца приходят в мир вместе с нами и поощряются либо пресекаются – принимаются или подавляются в нас – в раннем возрасте. Следует также учитывать, что фундаментальным правом каждого человека, которое ни одна государственная или гражданская власть не может нарушить, является право не подвергаться преследованиям или ущемлениям прав на почве сексуальности. Но в понимании Церкви идентичность человека заключается, прежде всего, не в сексуальности или каком-либо ином частном качестве, а скорее в образе и подобии Божиих, присутствующих во всех нас[14]. Все христиане должны всегда искать друг в друге образ и подобие Божии и противостоять всем формам дискриминации в отношении своих ближних, независимо от их сексуальной ориентации. Они призваны к половому воздержанию – как в браке, так и вне его – именно ввиду святости сексуальной жизни в сотворенном порядке. Но они ни в коем случае не призваны к ненависти или презрению к кому-либо.

§20 Когда православный христианин вступает в зрелый возраст, он или она начинает следовать одному из трех возможных путей: супружеской, монашеской или одинокой жизни. Хотя все три пути могут быть различны в своем выражении, у всех, по сути, общее христианское призвание – радикальное принятие любви и готовность ею делиться. Традиционно Православие склонялось к признанию лишь двух положений – монашеского и супружеского – но с точки зрения пастырской ответственности Церкви было бы глубоким упущением не признать, что, хотя безбрачная жизнь была редкостью в минувших поколениях, культурные и социальные перемены в современном мире сделали ее значительно более распространенной. Некоторые люди в течение своей жизни могут следовать более чем одному из этих путей: например, вдовец или вдова могут принять монашеские обеты. Однако для большинства существует только один путь, и именно на нем человек призван служить Царству Божию и искать единения с Богом. В ранней Церкви наибольшим почитанием пользовался путь посвященного Богу девства (который со временем превратился в практику монашества). Но со временем Церковь пришла к пониманию брака как таинства и даже осудила враждебное отношение к нему[15]. Не раз в истории Церкви возникала некоторая напряженность между браком и монашеством, по крайней мере, в отношении их духовных достоинств. В значительной степени это стало результатом более раннего, дохристианского понимания брака; однако это также было следствием того печального факта, что до недавнего времени в восточной христианской традиции духовные суждения по этим вопросам

развивали в основном безбрачные мужчины, не имевшие опыта супружеской жизни. Пришло время отбросить эти пагубные предрассудки и признать, что брак – это нечто гораздо большее, чем культурный институт или просто средство распространения и сохранения рода человеческого. Будь он только этим, Священное Писание не использовало бы брачные образы в качестве основного средства для описания таинственного и эсхатологического союза Христа и Церкви. Согласно Писанию, Христос удостоил Своих последователей увидеть первые знамения божественности Своей миссии на брачном пире в Кане. Напротив, безбрачная жизнь предстает в Новом Завете как имеющая не более чем практическую ценность. Брак – это таинство любви, или человеческая любовь, возведенная в мир таинств. Это единственное таинство, в котором участвуют две личности, свободно и равноправно соединенные друг с другом Богом. Таинственным образом мужчина и женщина, муж и жена, становятся единым целым, как говорится в обряде венчания: «Соедини их в единомыслии, венчай их в плоть единую». Церковь взяла институт брака, который прежде представлял собой отношения, понимаемые в основном с имущественной и юридической точки зрения и касающиеся, главным образом, домашнего и семейного хозяйства, и преобразила их в нерасторжимый союз между людьми, мистически обозначающий любовь Христа к Своей Церкви. Это такие узы, которые, помимо всего прочего, позволяют наиболее плодотворно проявиться полноте человеческой природы в единой общей жизни. Ибо, хотя образ Божий в полноте пребывает в каждом отдельно взятом человеке, «образ человечества» разделен в нас между мужчиной и женщиной. Это также союз, сплетающий отдельные, прежде индивидуальные духовные усилия в общее призвание преображать падший мир и следовать по пути *теозиса* во Христе. Безусловно, ни одно из наших дел любви в этой жизни не творится изолированно; каждое необходимо предполагает направленность от себя и к нашему ближнему. Но в контексте брака сама идея «ближнего» приобретает новый смысл, так как супружеская жизнь подразумевает, что двое вместе вступают на единый аскетический путь, на котором жертва друг ради друга становится просто вопросом повседневного существования и на котором следует повиноваться друг другу (Еф. 5:21). В некотором смысле муж и жена становятся единым супружеским существом, как сказано в Быт. 2:24 и подтверждено Христом: «Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19:5–6; Мк. 10:7–8).

§21 Сегодня все чаще в православных браках один из супругов не является православным христианином. Перед этими союзами могут вставать

совершенно иные вызовы, чем перед двумя православными супругами, но и такие браки следует рассматривать как совместное усилие по преобразению мира и единению с Богом. Поскольку Православная Церковь существует в странах со все более разнообразным населением, браки между православными и инославными, несомненно, будут требовать самого пристального пастырского внимания со стороны Церкви. На это указано в документе Святого и Великого Собора, озаглавленном «Таинство брака и препятствия к нему»: «Священный Синод каждой автокефальной Православной Церкви должен подходить к возможности применения церковной *икономии* относительно препятствий к браку в соответствии с принципами церковных канонов, в духе пастырской рассудительности, служа спасению человека»[\[16\]](#). Хотя от времени Апостола Павла нас отделяют двадцать веков, наше положение, возможно, не так уж сильно отличается от ситуации христианской общины Коринфа, которой он посылал наставления на сей счет: «Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (1 Кор. 7:14).

§22 Все браки – будь то между православными или неправославными супругами, а также смешанные союзы – страдают от последствий греха. И именно потому, что семья – это место огромной ответственности, эмоциональной привязанности и интимных отношений, в ней также возможны самые разрушительные виды психического, физического, сексуального и эмоционального насилия. Православная Церковь признаёт, что главная моральная ответственность взрослых в неблагополучной семье – защищать наиболее уязвимых своих членов, и сознает, что во многих случаях лишь расторжение брака может обеспечить физическую безопасность и духовное здоровье всех вовлеченных в ситуацию людей. Одна из прискорбных реалий нашего поврежденного грехом мира заключается в том, что супружеская жизнь иногда разрушается безвозвратно. По сути, развод – это нечто большее, чем следствие нашей раздробленности как падших существ; это особо яркое ее выражение. Но развод не исключает возможности исцеления вовлеченных сторон и не закрывает для них путей к обожению. Поэтому Церковь также допускает повторный брак, хотя и признает в обряде венчания, что он является компромиссом, а не идеалом. Шестой Вселенский Собор рекомендовал, чтобы разведенные и вступившие в повторный брак не были допускаемы к Евхаристии на протяжении семи лет (правило 37), хотя Трулльский Собор добавил к этому предписанию, что в случае оставления одного супруга другим покинутая сторона может вовсе не проходить через период покаяния (правило 87). Исходя из этого, в своей пастырской и отеческой заботе о духовенстве, опекающем общины,

Вселенский Патриархат недавно дополнительно рассмотрел исключения из канонов в отношении повторного брака разведенных священнослужителей. В целом, однако, никогда ни одно правило покаянного примирения с Церковью не вводилось в качестве всеобщего. Учитывая уникальность каждого человека и своеобразие каждого брака, Церковь должна с состраданием предлагать разведенным советы, которые соответствовали бы особым обстоятельствам каждого из них.

§23 Обряд бракосочетания включает в себя множество прошений о рождении детей, в том числе молитву псалмопевца о том, чтобы новобрачные увидели «детей от детей своих». Некоторые из детей, пополняющих дом, созданный браком, могут быть плодом сексуального союза супружеской пары, другие могут быть усыновлены, а иные взяты под опеку; но все они одинаково желанны в святилище семьи и в Теле Церкви. Родительство – это особо привилегированный символ преображающей силы любви, а также любви Бога к Своим созданиям. Более того, семья, благословленная детьми, призвана созидать своего рода град, микрокосм, символизирующий искупленное творение, и, следовательно, место гостеприимства для тех, кто находится за пределами его непосредственного круга. Более того, хотя истинная любовь всегда плодотворна, эта плодотворность выражается не только в детях. Она может проявиться и через разнообразные дары Духа: гостеприимство, служение и совместные творческие усилия разного рода. Однако ничего из этого не достигается легко. Дети – это славное благословение, но в падшем мире над каждым благословением тяготеет проклятие Адама и Евы. Также родительство – это поле аскетического труда, и не только потому, что родители должны жертвовать собственными интересами ради пользы детей (что само по себе может быть великой радостью), но и потому, что они также вынуждены переносить их страдания, страхи и печали, или подчас признавать собственные ошибки в их воспитании. А иногда, подобно Самой Матери Божией, родителям приходится пережить потерю сына или дочери, и это – самая сильная боль из тех, которые может принести жизнь, боль, пронзающая душу словно меч (Лк. 2:32). Конечно, в идеале оба родителя присутствуют в течение всего периода воспитания детей; но иногда, в результате смерти, развода или других несчастий, эта задача ложится на плечи одного из них. В этих обстоятельствах Церковь как семья Тела Христова несет особую ответственность за материальную, эмоциональную, духовную поддержку и утешение родителя. Более того, Церковь обязана даровать таинство крещения всем детям, независимо от того, каким образом они были зачаты или усыновлены.

§24 Неправильно полагать, что мужчина и женщина, соединенные таинством брака, становятся «одной плотью» только через рождение детей, даже если (с исторической точки зрения) именно это в основном подразумевается в соответствующих словах из Книги Бытия. С самого раннего периода православное предание утверждало таинственную полноту всех благословляемых Церковью браков, включая и бездетные. Как заметил св. Иоанн Златоуст, «что же, если младенца не будет, – и тогда они не будут составлять два лица? Конечно. Ведь это (единство) происходит от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя из всего выйдет одно, – так бывает и здесь»[\[17\]](#). Конечно, Церковь ожидает, что большинство браков будет открыто к зачатию; но она также понимает, что бывают ситуации, когда возникают духовные, физические, психологические или финансовые препятствия, из-за которых разумно – по крайней мере, на время – отложить рождение детей или вовсе от него отказаться. Православная Церковь не имеет догматических возражений против использования в контексте семейной жизни безопасных и неабортивных противозачаточных средств, причем не в качестве идеальной или постоянной меры, а как временную уступку обстоятельствам. Сексуальный союз пары – это неотъемлемое благо, которое служит углублению взаимной любви супругов и их преданности совместной жизни. Равным образом Церковь не возражает против использования некоторых современных и продолжающих развиваться репродуктивных технологий для пар, которые искренне желают иметь детей, но неспособны зачать без посторонней помощи. Но Церковь не может одобрить методы, приводящие к уничтожению «лишних» оплодотворенных яйцеклеток. Необходимым критерием оценки допустимости той или иной репродуктивной технологии должно быть неотъемлемое достоинство и несравненная ценность каждой человеческой жизни. Поскольку медицинская наука в этой области продолжает развиваться, православные христиане – и миряне, и духовенство – должны полагаться на этот критерий в каждом случае, когда появляется новый метод оказания помощи парам в зачатии и рождении детей, и принимать во внимание, уважает ли этот метод священные отношения между супругами.

§25 В православной традиции в день Благовещения празднуется зачатие Христа во чреве Его Матери, а в праздник Сретения Пресвятой Богородицы и святой праведной Елисаветы вспоминается, как Иоанн Креститель радостно възыграл во чреве матери при звуке голоса беременной Матери Божией. Уже в утробе каждый из нас является духовным существом, личностью,

сотворенной по образу Бога и созданной для того, чтобы радоваться в Его присутствии. Поэтому уже с первых поколений христиан Церковь отвергала практику выборочных аборт, считая их детоубийством. Еще в «Дидахе», запечатлевшем церковные практики и предписания первого века, неприятие аборта было ясным принципом новой веры^[18], который, наряду с отказом бросать младенцев вскоре после рождения и отвержением смертной казни, показал, что христианское исповедание выступало против лишения человека жизни даже в тех случаях, когда языческая культура считала это законным или даже необходимым. Человек – это нечто большее, чем постепенно проявляющийся результат некоего физического процесса; жизнь начинается в момент зачатия. Следовательно, уже с этого первого момента притязание ребенка на нравственное отношение с нашей стороны является абсолютным, и христианам запрещено проливать невинную кровь на любой стадии человеческого развития. Конечно, Церковь признает, что беременность часто прерывают по причине нищеты, отчаяния, принуждения или жестокого обращения, и стремится открыть путь примирения для тех, кто не выдержал этих ужасных условий. Однако, поскольку аборт всегда объективно является трагедией, уносящей невинную человеческую жизнь, восстановление отношений с Богом должно включать признание этого факта еще до того, как станет возможным полное покаяние, примирение и исцеление. Более того, поскольку Церковь действительно желает утвердить благо каждой жизни, она должна быть всегда готова помогать женщинам в ситуациях непреднамеренной беременности (будь то в результате изнасилования или сексуального соития по обоюдному согласию), а также будущим матерям, страдающим от нищеты, жестокого обращения или других неблагоприятных обстоятельств. В таких случаях Церковь должна оказывать им материальную и эмоциональную поддержку, духовную помощь и всячески заверять в Божией любви как в период беременности, так и впоследствии.

§26 В православном обряде венчания Церковь молится о том, чтобы новобрачным было даровано «счастье родительства». Это чаемое счастье безусловно; его источником являются не только младенцы или дети, которые соответствуют определенным стандартам физической формы или здоровья. Господь знает и любит всех детей, все носят Его образ и подобие, и все достойны одинакового уважения, почтения и заботы. В понимании Церкви каждый из нас рождается таким, каков он есть, «для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9:3). Поэтому Православная Церковь не признает обоснованным евгеническое прерывание новой человеческой жизни; но при этом она приветствует любой прогресс в области медицины, который может сохранить и улучшить жизнь детей, страдающих от болезней или

инвалидности. Церковь, однако, признает, что в некоторых случаях в ходе беременности возникают трагические и неразрешимые медицинские ситуации, в которых жизнь нерожденного ребенка не может быть сохранена или продлена без серьезной угрозы для жизни матери, и что единственно возможные медицинские меры в таких случаях могут вызвать или ускорить смерть нерожденного ребенка, вопреки желаниям родителей. В таких ситуациях Церковь не может претендовать на компетентность в том, как лучше поступать в каждом конкретном случае, и должна вверять этот вопрос молитвенному рассуждению родителей и врачей. Она может, однако, предлагать свою помощь советом, а также молиться об исцелении и спасении жизни вовлеченных людей. Кроме того, Церковь скорбит о повсеместно встречающейся утрате жизни в утробе матери из-за выкидыша и мертворождения, рассматривая этот опыт как особо тяжкую утрату для семьи; она должна пересмотреть те из своих молитв, которые предполагают обратное, и подняться до той чувствительной и любящей пастырской заботы, которой требует утрата ребенка.

§27 Другой путь христианина в этом мире – монашество. С первых лет существования Церкви мужчины и женщины собирались вместе, чтобы проводить жизнь в молитве, и такая жизнь была более или менее общинной или уединенной. Удаляясь от общества, частично или полностью, они указывают себе и другим, что Царство Божие – не от мира сего. Как и подобает каждому христианину, они пророчески зывают и настойчиво напоминают нам, что «мы ищем будущего града» (Евр. 13:14) и «чаем жизни будущего века» (Никео-Цареградский Символ веры); но они делают это с особой харизмой и особой интенсивностью. Порой может казаться, что их уход из обычной общественной жизни противоречит заповеди любви к ближнему; но всякая перемена, совершаемая благодатью Божией, даже в сокровенной области сердца, приносит пользу всей вселенной. Св. Силуан Афонский говорил, что «молиться за людей – это кровь проливать»^[19]. И часто монастыри служат миру тем, что готовят место, отделенное от земных забот, где насельники могут принимать мирян, чтобы предложить им духовное руководство и убежище от невзгод и соблазнов повседневной жизни. Это гораздо больше, чем просто физическое гостеприимство. По словам св. Марии (Скобцовой), «обращаясь своим духовным миром к духовному миру другого, он [человек] встречается со страшной, вдохновляющей тайной... он встречается ... с самой воплощенной иконой Бога в мире, с отблеском тайны Боговоплощения и Богочеловечества»^[20]. Кроме того, монашеское безбрачие вовсе не подразумевает какого-либо умаления сексуального союза в браке. Скорее, монашество – это особое

упражнение в любви и прощении. Монашеская жизнь – это всегда акт благодарения, поэтому ее центром становится регулярное совершение Евхаристии. Это также совместная дисциплина общинной щедрости, совместной молитвы и взаимного прощения. Итак, монашеская жизнь предвозвещает Царство Божие, возможно, не более истинно, чем христианская семья, но очень характерным образом и согласно особой и святой форме самоотречения человека в общине. Она никогда не сводится к простой эгоистичной интроверсии или эгоцентрической изоляции. Хотя монашествующие и не связаны таинственно и духовно с одним человеком, как супруги в браке, они испытывают и проявляют высокую степень личной любви к другим и к Богу. В монахе есть «истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата [и сестры], и радуется о его [ее] преуспевании и дарованиях», – говорит св. Иоанн Лествичник [\[21\]](#).

§28 Третий жизненный путь – это путь взрослого, который не вступает в брак, но и не становится монахом. Иногда он избирается сознательно, в силу разных индивидуальных причин, но в других случаях становится просто следствием стечения обстоятельств. Некоторые люди не призваны к монашеской жизни, но и не могут или не склонны найти себе супруга. Однако они являются полноценными членами семьи Тела Христова и не менее других способны внести свой вклад в освящение мира. Действительно, они часто обладают особыми дарами пронизательности, личной дисциплины и духовной мудрости, которые нелегко развить в себе людям, поглощенным повседневными хлопотами семейной жизни. В любом случае все одинокие миряне призваны к одной и той же жизни в любви и наделены одинаковым достоинством возлюбленных детей Божиих. Однако Церковь должна признать, насколько трудным может быть это призвание. Женатый человек может рассчитывать на поддержку своего супруга, монашествующий – своих собратьев. У одинокого же мирянина часто нет человека, на чью поддержку он мог бы рассчитывать в хотя бы приблизительно сопоставимой степени. Святая дружба становится источником духовного утешения и сил в жизни многих одиноких людей, но ее не всегда достаточно, чтобы облегчить одиночество тех, кто идет этим особым путем. Здесь традиционные пастырские ресурсы, которыми располагает православие, несколько недостаточны; но, поскольку число одиноких мирян продолжает расти, Церковь должна стараться развивать пастырские практики, соответствующие их нуждам.

§29 Все пути взрослой жизни одинаково открыты для каждого человека, и на каждом из них Православная Церковь утверждает полное равенство и

достоинство каждой личности, сотворенной по образу и подобию Божию. Хотя Церковь признает, что мужчины и женщины имеют разный жизненный опыт и воплощают человеческую природу по-разному, она должна отвергнуть любой намек на то, что одни превосходят других в духовном достоинстве. Как сказал св. Василий Великий о мужчинах и женщинах, «природа того и другого равночестна, равны их добродетели, равны награды, одинаково и возмездие»[\[22\]](#). И как утверждает св. Григорий Богослов, «один Творец мужа и жены, одна плоть – оба они – один образ, один для них закон, одна смерть, одно воскресение»[\[23\]](#). Сказанное не отменяет того, что неравенство мужчин и женщин почти во всех сферах жизни является одной из трагических реальностей нашего падшего мира. На деле, несмотря на то, что в своем учении и богословии Православная Церковь всегда утверждала, что мужчины и женщины равны как личности, она не всегда была неукоснительно верна этому идеалу. Например, Церковь слишком долго в своих молитвах и евхаристических практиках сохраняла древние и по существу суеверные предрассудки относительно чистоты и нечистоты женского тела и даже позволяла связывать деторождение с идеей ритуальной нечистоты. Однако ни одной христианке, которая подготовилась к причастию молитвой и постом, не следует препятствовать подходить к Чаше. Церковь также должна оставаться внимательной к побуждениям Духа в отношении служения женщин, особенно в наше время, когда многие из важнейших должностей в церковной жизни – богословов, преподавателей семинарий, канонистов, чтецов, регентов и экспертов в любой профессии, приносящей пользу сообществу верующих – все чаще занимают именно они; и Церковь должна продолжить размышлять о способах наилучшего участия женщин в созидании Тела Христова, в том числе путем восстановления в наши дни чина диаконисс.

§30 У каждого из этих жизненных путей есть свои особые стадии; но все пути заканчиваются – если только не обрываются преждевременно – завершающими этапами старости и смерти. Пожилые люди в сообществе верующих заслуживают особого почитания за приобретенную ими мудрость и проявленную стойкость в вере. Однако с возрастом они становятся все более уязвимыми для болезней и немощей. Даже этот вызов может стать возможностью для углубления смирения и возрастания в вере, как для тех, кто стареет, так и для их опекунов; но это также ответственность, от которой другие члены Тела Христова никогда не должны уклоняться, и в современном мире эта ответственность влечет за собой особые трудности и требования для многих общин. Современное общество уделяет все меньше и меньше внимания пожилым людям и все чаще склонно отправлять их в специальные

учреждения по уходу, подальше от глаз. В мире позднего капитализма к старости, которую когда-то признавали достойной почтения, часто относятся как чему-то смущающему, а пожилых людей считают обузой и помехой. Православная Церковь учит, что нет предела врожденному духовному достоинству человека, как бы ни страдали его тело или разум с годами. Церковь должна требовать от любого справедливого общества должным образом заботиться о пожилых людях и внимательно относиться к тому, чтобы они не подвергались пренебрежению, плохому обращению и не оказались в нищете. Сообществу верующих она поручает максимально заботиться о своих старейших членах и учиться у них.

§31 Каждый из этих путей человеческой жизни рано или поздно достигает своего завершения на земле. В Божественной литургии св. Иоанна Златоуста Церковь определяет «благую, христианскую кончину нашей жизни» как «мирную, непостыдную, безболезненную» и молится о том, чтобы она была такой для всех христиан. В других молитвах Церковь выражает надежду на то, что умирающие смогут покинуть жизнь, будучи уверенными в том, что они драгоценны, поскольку даже малые птицы не падают без ведома Бога (Мф. 10:29). Сама по себе смерть – это ужасная перспектива, враг, которого Бог победил во Христе, но, тем не менее, она все еще приходит на эту сторону Царства и поглощает всех нас. Порой ее приближение вызывает отчаяние. В других случаях некоторые из нас бегут в ее объятия от еще большего отчаяния. Самоубийство всегда понималось в Православной Церкви как трагедия и серьезное посягательство на достоинство человеческой личности. Но со временем, по мере того как углубилось понимание психических заболеваний и эмоциональной неустойчивости, Церковь все чаще признает, что самоубийство обычно связано с «духовными и/или физиологическими факторами, которые значительно подрывают разум и свободу человека»[\[24\]](#). Поэтому христианская любовь требует, чтобы Церковь не отказывала категорически в погребении и полном заупокойном богослужении по человеку, покончившему с собой. Верующие также не должны смотреть на человека, совершившего самоубийство, как на того, кто свободно и сознательно отверг Бога. Это тот случай, когда божественная икономия и сострадание определяют таинственную и пастырскую икономию. Здесь древние традиционные предрассудки должны быть исправлены превосходящими их диагностическими и терапевтическими открытиями современности. И все же самоубийство никогда не может стать приемлемым решением проблемы страдания в мире. Нельзя приближать смерть даже в случае, если человек переносит ужасные болезни, каким бы милостивым это

ни казалось. Образ Божий остается неприкосновенным даже в последние дни человека на земле. Эвтаназия чужда христианскому взгляду на жизнь. Тем не менее, для умирающего вполне допустимо отказаться от экстраординарных медицинских методов лечения и искусственных технологий, надолго продлевающих жизнь тела после того, как оно естественным образом разлучилось бы с духом. Христианин не обязан из страха перед неизбежным затягивать страдания тела или цепляться за этот мир, выходя за пределы разумного. Смерти по милости Божией не следует бояться. Православная Церковь утешает скорбящих, скорбит вместе с теми, чьи близкие ушли из этой жизни, и молится об усопших; но еще важнее то, что православные христиане «чают воскресения мертвых и жизни будущего века» (Никео-Цареградский Символ веры). Мы ожидаем момента, когда наша аскетическая борьба в этой жизни принесет окончательный, истинный плод в жизни грядущей, когда все наши усилия по преобразению мира исполнятся в обновленном творении, и когда наш путь *теозиса* приведет нас в вечность, и мы «преобразимся в тот же образ от славы в славу» (2 Кор. 3:18)[\[25\]](#).

IV. Бедность, богатство и гражданская справедливость

Вспомни, Господи, помнящих о бедных

§32 Когда Предвечный Сын стал человеком, совлекаясь Своей божественной славы и сменив «образ Божий» на «образ раба» (Флп. 2:6-7), Он тем самым отождествил Себя с самыми маргинальными, политически бесправными и социально незащищенными людьми Своего времени. Рожденный среди подвластного народа, не имевшего никаких законных прав перед своими имперскими колонизаторами, воспитанный в семье, принадлежавшей к низшему ремесленническому классу, Христос начал Свое служение во внутренних районах Галилеи и посвятил его в основном самым обездоленным и безнадежным соотечественникам. Тем самым Он принял на Себя миссию пророков Израиля и поистине глубочайшее нравственное дело всего Закона и Пророков. В начале Своего общественного служения Он как Свои собственные провозгласил слова пророка Исаии: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк. 4:18-19). Эта особая преданность обездоленным и отчаявшимся была отнюдь не просто случайным элементом Его миссии, обращенной к сынам и дочерям Израиля, но определяла саму ее суть. Для тех, кто наживался на эксплуатации слабых (Лк. 20:46-47) или был безразличен к тяжелому положению бедных (Лк. 6:24-25; 16:25), Его

предостережения звучали весьма устрашающе, а осуждение было предельно бескомпромиссным. Более того, когда дело касалось нужд неимущих, Он неослабно требовал от Своих последователей доброжелательности и готовности жертвовать личной собственностью. Он велел ученикам отдавать всем просящим у них все без остатка (Мф. 5:42) с такой бескорыстностью, чтобы одна рука не знала, что делает другая (Мф. 6:3), и запретил им удерживать что-либо из своих богатств в качестве земных сокровищ (Мф. 6:19-20). Он не только повелел богатому молодому человеку продать все свое имущество, а вырученные деньги отдать бедным (Мф. 19:16-30; Мк. 10:17-31; Лк. 18:18-30), но требовал того же от всех, кто желал следовать за Ним (Лк. 12:33), и не считал Своим учеником отказавшегося раздать все нуждающимся (Лк. 14:33). Он не оставил никаких сомнений в том, что должны делать надеющиеся войти в Царство Божие: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне (Мф. 25:34-36). Более того, следуя призыву Отца, Он перенес крайнюю бездомность и отверженность: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20; Лк. 9:58); «и, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его» (Лк. 4:29). Он завершил Свое земное служение, будучи осужден чужой оккупационной властью, перед судом которой у Него не было никаких законных прав, и умер смертью ничтожного преступника, пройдя через самую мучительную и унижительную в то время смертную казнь.

§33 Учитывая все это, Церковь не может по-настоящему следовать за Христом или являть Его миру, если она не поставит эту безусловную заботу о бедных и обездоленных в центр своей нравственной, религиозной и духовной жизни. Стремление к социальной справедливости и гражданскому равенству – забота о бедных, приют для бездомных, защита слабых, гостеприимство по отношению к перемещенным лицам и помощь людям с инвалидностью – это не просто идеал, который Церковь рекомендует для успокоения совести, но необходимое средство спасения, незаменимый путь к единению с Богом во Христе; не справиться с этими обязанностями значит подпасть под божественное осуждение (Мф. 25:41-45). Поэтому первые христианские общины апостольской эпохи приняли образ жизни, радикально отличавшийся от культуры большинства, имея только совместное имущество и передавая личное достояние всей общине с целью удовлетворить нужды каждого члена Тела Христова (Деян. 2:44-45; 4:32-37). В то время у Церкви не было власти

созидать гражданское общество по-новому; не могла она также – учитывая абсолютно неподатливую реальность имперского правления – предложить нечто наподобие абстрактной политической идеологии с целью исправить или смягчить несправедливость того времени. Тем не менее, христианам удавалось заботиться о бедных в своем окружении, особенно о вдовах и сиротах (наиболее уязвимых классах древнего мира), и создавать в своей среде общественное устройство, основанное на любви, в котором никто не был брошен на произвол судьбы. Более того, понимание жизни во Христе как радикальной солидарности перешло – к сожалению, не вполне, но в значительной степени – в эпоху, когда Церковь получила политические права. После обращения императора Константина никакие изменения в имперской политике не были более важными в качестве конкретного выражения социальных принципов Евангелия, чем широкое развитие церковной программы помощи бедным при значительной материальной поддержке со стороны государства.

§34 Более того, все величайшие Отцы Церкви четвертого и пятого веков красноречиво засвидетельствовали глубоко христианскую интуицию о том, что жизнь во Христе должна предполагать крайнюю враждебность по отношению к условиям, порождающим бедность, а также твердую приверженность филантропии и делам милосердия. Св. Василий Великий решительно выступал против имущественного неравенства в обществе своего времени и обличал богачей, воображавших, что они имеют право удерживать свое богатство от других просто на основании закона. Он настаивал на том, что все благословения – от Бога, и все блага творения – общее достояние человечества[26]. Всякий, кто эксплуатирует бедного ради собственной выгоды, навлекает на себя осуждение на вечные муки[27]. Кто не делится своими деньгами с голодным, виновен не просто в уклонении от общей ответственности, но в убийстве[28]. Св. Иоанн Златоуст говорил то же обо всех, кто приобретает богатство несправедливым путем, подвергая бедных еще большему обнищанию[29]. По его словам, богач, который не делится своим богатством с нуждающимися, – вор[30], поскольку все изобилие творения происходит от Бога и является общим достоянием всех людей по праву рождения[31]; все, чем владеет богач, было ему вверено для общего блага[32] и принадлежит всем остальным[33]. Св. Амвросий Медиоланский придерживался того же мнения[34]. Это была эпоха, когда у христианских богословов впервые появилась возможность – и обязанность – подумать о том, как претворить радикальную социальную солидарность и корпоративную благотворительность Апостольской Церкви в гражданские практики условно христианской культуры. Никто из них, по-видимому, не

предполагал, что нравственная жизнь христиан может быть разделена на частную и общественную сферы, или что требования Евангелия к совести верующих не распространяются на все христианское общество. Все прекрасно понимали, что христианская культура должна бороться со структурным злом, которое обрекает столь многих на нищету, тогда как лишь некоторые становятся обладателями огромных богатств. Как утверждал св. Василий, люди по своей природе – социально-политические существа, которые должны делиться своими благами друг с другом, чтобы покончить с бедностью; поэтому он настаивал на том, что в христианском обществе необходимым направлением государственной политики должно быть учреждение казны, с помощью которой можно удовлетворить основные потребности всех людей и справедливо перераспределить изобилие творения [35]. Христиане не должны рассматривать такие меры как чрезвычайные или излишние. По мнению св. Амвросия, с христианской точки зрения такое перераспределение – не более чем справедливое возмещение долга, который богатые должны уплатить бедным за их непропорционально большую долю в общем имуществе всего человечества [36]. Один из великих вызовов, который Православная Церковь сегодня не может обойти стороной, – это поиск в наши дни путей послушания библейским и святоотеческим учениям и традициям, касающимся общего блага, и этот вызов требует как рассудительности, так и терпения. Однако он также требует бескомпромиссной верности Личности Христа и примерам апостолов и святых. Это означает, что Церковь призвана обличать нынешние социальные условия, где это оправдано, выказывать похвалу там, где эти условия достойны одобрения, и поощрять перемены к лучшему везде, где это может принести плод. Прежде всего, Церковь должна не менее, чем Сам Христос, озаботиться положением бедных и беззащитных; и она должна быть готова заступаться за них, когда их голоса не могут быть услышаны.

§35 Среди наиболее распространенных пороков всех человеческих обществ – причем в современных развитых странах он часто достигает беспрецедентного уровня совершенства и утонченности – можно упомянуть крайнее неравенство в доходах, которое часто порождается или поддерживается регрессивной налоговой политикой и неадекватным регулированием справедливого уровня заработной платы; это неравенство отвечает интересам тех, кто богат настолько, что в состоянии влиять на законодательство с целью защитить свое богатство от требований общего блага. Хотя верно, что неразумное налогообложение частных учреждений, создающих рабочие места, может при определенных обстоятельствах привести к снижению уровня занятости и таким образом создать еще

большие трудности для бедных, в промышленно развитых странах эту опасность редко (если вообще) принимают всерьез. Гораздо привычнее ситуация, когда богатейшие члены класса инвесторов защищены от налогового бремени, пропорционального выгодам, которые они получают благодаря своему положению в обществе, а корпорациям позволено заниматься практикой, создающей рынки для дешевой рабочей силы в ущерб благосостоянию работников. Это приводит как к увеличению нагрузки на доходы работающего среднего класса, так и, зачастую, к недостаточному государственному обеспечению бедных слоев населения. Наперекор подобным практикам Православная Церковь, безусловно, должна настаивать на том, чтобы основополагающими принципами в налоговой политике и ориентирами в оплате труда были справедливость и сострадание. Также Церковь должна настаивать на моральной ответственности богатых за то, чтобы они как можно более способствовали благополучию общества в целом, а правительства при этом требовали от богачей не прибегать к несправедливой правовой защите или к поиску других обходных путей. Утверждения Отцов Церкви о том, что изобилие творения по праву рождения принадлежит всем людям, созданным по образу Божию, и что поэтому самым состоятельным из нас доверено неукоснительно делиться своим имуществом с бедными, могут противоречить некоторым укоренившимся представлениям современного мира о частной собственности. Но эти утверждения являются важнейшей основой христианского взгляда на мир как на милостивый дар Божий и свидетельствуют об ответственности, которая, по мнению Церкви, возложена на всякое справедливое общество.

§36 Другим следствием законов, направленных главным образом на защиту материальных интересов богатых, несомненно, является то, что труд часто превращается в товар, а положение работников можно справедливо назвать «наемным рабством». Это касается в особенности промышленно развитых стран, в которых законодательство позволяет крупным работодателям без особого труда увеличивать прибыль за счет работников: путем утаивания льгот, необеспечения прожиточного минимума, управления рабочим временем таким образом, чтобы лишить работников причитающихся привилегий полной занятости, и, прежде всего, путем превращения дешевой рабочей силы в своего рода природный ресурс, подлежащий эксплуатации – особенно на тех рынках труда, где отсутствуют базовые гарантии защиты работников. Довольно часто бизнес-практики такого рода допускаются под прикрытием соглашений о свободной торговле, хотя их связь с более широкой экономикой международной свободной торговли в лучшем случае неочевидна. Часто глобальные корпорации могут сокращать свои расходы и

увеличивать прибыль, когда переносят свою деятельность в те регионы мира, где рабочая сила стоит недорого именно потому, что работники находятся в отчаянном положении, а местные власти более заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций, чем в обеспечении гуманной трудовой политике или хотя бы самых элементарных мер защиты работников. Это приводит к двойному эффекту: снижению заработной платы в развитых странах и усилению бедности в развивающихся. Кроме того, на периферии всех рынков труда существуют классы людей, которые лишены правовой защиты. Следовательно, они подвергаются эксплуатации, не имея возможности эффективно противостоять ей в законном порядке: это, например, работники без документов, которым приходится соглашаться на заработную плату намного ниже установленного законом минимума в обмен на самые тяжелые виды работ, или перемещенные и даже в буквальном смысле порабощенные женщины из развивающихся стран, которых принуждают к торговле сексуальными услугами и которые вынуждены переносить все злоупотребления, опасности и унижения такой жизни. Более того, негибкие иммиграционные законы и непроницаемые границы, несмотря на некоторые «популистские» заявления об обратном, зачастую только способствуют этим злодеяниям. Беспринципные работодатели очень заинтересованы в том, чтобы различные национальные рынки труда были максимально изолированы друг от друга, поскольку это имеет двойной эффект: с одной стороны, создается «теневая» рабочая сила из незарегистрированных работников, подлежащих эксплуатации в пределах национальных границ, с другой, сохраняются существующие депрессивные рынки труда, которые эксплуатируются за пределами этих границ. Существование свободного международного потока рабочей силы, а вместе с ним и обретение работниками рычагов для самоорганизации в глобальном масштабе, позволило бы работникам требовать соблюдения базовых стандартов занятости на всех рынках труда и сделало бы их эксплуатацию практически невозможной. Отсюда и нечестивый сговор между многими транснациональными корпорациями и государствами с целью пресечь свободный поток рабочей силы через границы, часто посредством самых драконовских мер.

§37 Вопреки всем подобным практикам, Православная Церковь будет настаивать на высоком достоинстве труда и незыблемой священности каждого человека, а также на том, что «трудящийся достоин награды своей» (1 Тим. 5:18). Она должна требовать, чтобы каждое общество, располагающее соответствующими средствами, защищало своих работников, как зарегистрированных, так и незарегистрированных, от злоупотреблений,

унижений, пренебрежительного отношения и циничной эксплуатации. Более того, никто не должен трудиться непрерывно: Церковь настаивает на том, что справедливая экономика или бизнес – это те, которые обеспечивают не только разумную производительность и достойную оплату труда работников, но и предоставляют им возможности полноценного отдыха от работы, а также физического и душевного восстановления вместе с семьями, друзьями и людьми из одного круга. Церковь должна требовать от правительств принимать законы, позволяющие работодателям создавать рабочие места, но не рассматривающие труд в качестве простого товара или производственных расходов без особого морального статуса. Любая развитая экономика, если она хочет быть справедливой, должна на уровне закона и традиции обеспечить такие условия, при которых предприятия, действующие в странах с надежными правовыми системами, функционирующими финансовыми институтами и соблюдающимися основными гражданскими свободами, были бы готовы в рамках общественного договора с этими странами придерживаться законов и практик, которые обеспечивают работникам гуманные условия труда и прожиточный минимум и которые запрещают соучастие этих предприятий в коррумпированных системах, поощряющих структурную бедность в других странах. Это включает принятие законов, гарантирующих, что даже при создании объектов в развивающихся странах эти предприятия в отношении рабочей силы будут придерживаться тех же стандартов, что и в развитых странах; а способность предприятий производить, выводить на рынок и продавать товары, или иным образом участвовать в мировом рынке, будет поставлена в зависимость от справедливой практики труда. Церковь также обязана призывать правительства к принятию законов, которые не запугивали бы незарегистрированных работников перспективой судебного преследования, если те будут добиваться от работодателей возмещения за злоупотребления по отношению к ним. В то же время Церковь должна поощрять корпорации гуманно инвестировать в депрессивные регионы мира, предоставляя возможности там, где их раньше не было, но при этом придерживаться стандартов, уважающих достоинство каждого человека, и вкладывая инвестиции в экономику развивающихся стран с целью улучшить условия жизни бедных слоев населения, а не нажиться на их нищете.

§38 Более всего, вместе со св. Василием, св. Амвросием и другими Отцами, Православная Церковь должна настаивать на обязанности общества обеспечить систему социальной безопасности, которая действительно защищала бы бедных и обездоленных от абсолютной нищеты, деградации, бездомности, страданий и отчаяния. Все призваны на пир, приготовленный

Богом, и все пирующие должны «звать нищих, увечных, хромых, слепых» (Лк. 14:13). Этот призыв следует рассматривать не только как вопрос частной благотворительности, но и общественной справедливости. Это также означает, что Церковь не может хранить молчание, когда нормы, предусмотренные законом, не соответствует нуждам, которые этот закон призван удовлетворять, или когда они не могут обеспечить разумного подобия социального и гражданского равенства для своих бенефициаров. Церковь должна высказать особое порицание в отношении стран, тратящих чрезмерную долю государственного бюджета на предприятия, которые в основном приносят прибыль или выгоду только привилегированным лицам. Особенно вопиющими являются примеры пренебрежения социальными нуждами в странах, которые предпочитают отвлекать общественные средства от программ социального обеспечения, переводя их на крупные и ненужные задачи вооружения, единственной реальной целью которых является укрепление «военно-промышленного комплекса» и обогащение тех, чей бизнес состоит в непрерывном производстве все более изощренных и разрушительных средств убийства, ведения войны и террора в отношении гражданского населения. Государство, которое постоянно не в состоянии обеспечить для своих граждан, живущих в нищете, даже самый элементарный уровень общей системы здравоохранения, которое терпимо относится к необустроенности наиболее нуждающихся, но при этом ежегодно тратит непропорционально большую часть собственных доходов на военную экспансию, – занимается тем, против чего должна восстать соответственно осведомленная христианская совесть. И как бы политически некорректно это ни выглядело, Церковь должна быть готова осудить моральные нарушения в распределении общественных благ везде, где бы она их ни обнаружила.

§39 Кроме того, следует отметить – особенно учитывая, сколь сильно и настойчиво этот мотив звучит в учении Христа, – что нет материального механизма, определяющего разделение на богатых и бедных в любом обществе отчетливее, чем механизм непомерного долга. На протяжении всей истории человечества, пожалуй, самое существенное социальное разделение всегда проходило по линии между должниками и кредиторами. Использование процентов с целью закабаления нуждающихся рассматривалось как фундаментально безнравственное еще в Законе Моисеевом. Отсюда жесткие запреты Закона на все виды ростовщичества в обществе сынов и дочерей Израиля (Исх. 22:25; Лев. 25:36–37; Втор. 23:19–20) и отсюда же древнее еврейское осуждение фидуциарных интересов (Пс. 15:5; Иез. 18:17). По тем же причинам Закон заботился о том, чтобы ни

израильтяне, ни их соседи не были доведены до состояния полного обнищания (Исх. 12:49; 22:21-22; Лев. 19: 9-10; 23:22; 25:35-38; Втор. 15:1-11). Более того, Закон не только запрещал проценты по займам, но и предписывал, чтобы каждый седьмой год был субботним, *шмитá*, в течение которого следовало оставлять землю под паром и списывать взаимные долги между израильтянами; а затем Закон шел еще дальше, устанавливая субботний из субботних, Юбилейный, год, в котором должны были быть прощены все долги. Так на время устранялась разница между кредиторами и должниками и восстанавливался своего рода справедливое равновесие. Неослабное осуждение тех, кто эксплуатирует бедных или игнорирует их бедственное положение, являлось постоянной темой, проходящей через воззвания пророков Израиля (Ис. 3:13-15; 5:8; 10:1-2; Иер. 5:27-28; Ам. 4:1 и др.). Более того, неслучайно, что в Своих притчах и наставлениях Христос так часто обращал внимание на сокрушительное бремя долга, от которого страдали беднейшие слои населения Его эпохи. Современные христиане не должны допускать, чтобы чрезмерно одухотворенное прочтение Его слов заслоняло социальные проблемы, которых Он касался. Именно долг, беспощадно взыскиваемый с тех, кто стал жертвой непомерных процентных ставок, Христос называл «богатством неправедным» (Лк. 16:9), и именно этот долг иудейская и христианская традиции осуждают как ростовщичество. Когда Христос говорил о судах Своего времени (как в Лк. 12:58-59), Он имел в виду преимущественно правовой механизм, с помощью которого кредиторы под предлогом долгов, рассчитанных так, чтобы их невозможно было погасить, могли до нитки обобрать своих должников. Именно такие кредиторы осуждаются в Послании Иакова (Иак. 2:6). И в Молитве Господней – если учесть ее первоначальный контекст – мы почти наверняка просим Бога освободить нас от именно таких долгов, не ввести нас в такие искушения и спасти нас непосредственно от таких кредиторов («лукавого») (Мф. 6:9-13). Однако и по сей день едва ли существует какая-либо сфера государственной политики, даже в наиболее развитых странах, где злоупотребления кредитами и долгами контролировались бы рациональными и гуманными нормами. Бедные в большинстве обществ становятся жертвами беспринципных кредитных учреждений и, как правило, слабо защищены от кредиторов, которые пользуются их тяжелым положением, чтобы сделать их вечными должниками. Если Церковь реально намерена поощрять социальные практики, свидетельствующие о Божией любви, милосердии и справедливости, как они были явлены во Христе, она, безусловно, должна быть готова выступить против законов, которые не защищают уязвимых членов общества от недобросовестных и хищных кредиторов и не

предоставляют тем, кто нуждается в облегчении своего трудного положения и удовлетворении своих потребностей, милосердных общественных альтернатив в противовес неуправляемым или недолжным образом контролируемым частным кредиторам. Кроме того, Церковь обязана напоминать, что механизмы задолженности вводят в нищету не только отдельных людей, но и целые страны, и что жестокая непреклонность стран-кредиторов по отношению к странам-должникам часто становится причиной огромных человеческих страданий, подрывая среди обездоленных народов всякую надежду на экономическое развитие и социальный прогресс. Христос учил Своих последователей прощать должников, и Его Церковь может лишь неустанно ходатайствовать о том, чтобы более богатые страны прощали международные задолженности.

§40 У Церкви есть особое призвание напоминать о том, что, за исключением неутоленного голода, нет более жестоких лишений, выпадающих на долю бедных во всем мире, чем отсутствие доступа к надлежащей медицинской помощи. К тому же, Христос принес благовест не только обездоленным, но и хромым, слепым, людям с инвалидностью, больным и страждущим. Никакой другой знак не указывал на освобождающую любовь Бога к Своим творениям так ясно, как Его власть исцелять, которую Он бескорыстно употреблял по отношению к тем, кто искал избавления от телесных и духовных недугов. Христос действительно причислял посещение больных к необходимым условиям спасения (Мф. 25:31-46). Церковь, стремящаяся провозглашать ту же любовь ко всем народам и требовать от всякого общества такой же справедливости, какой Бог ждет от всех людей, должна настаивать на том, чтобы каждое правительство всеми силами и средствами, находящимися в его распоряжении, стремилось обеспечить всеобщее здравоохранение как можно более высокого качества для всех своих граждан. Абсолютный минимум, который Церковь должна ожидать от стран с развитой экономикой, состоит в том, чтобы в рамках государственной политики и за государственный счет люди, не имеющие доступа к медицинской помощи, получили бы ее, и чтобы при этом нуждающиеся не были брошены на произвол страховых компаний, которые взыскивают огромные страховые взносы и предоставляют весьма скудные выгоды. Также важно, чтобы за преимущество жить и преуспевать в среде своих сограждан бедные не подвергались еще большему обнищанию. Эти обязательства не могут ограничиваться пределами государства. С христианской точки зрения, более богатые страны морально обязаны стремиться к улучшению медицинских условий для людей во всем мире, насколько это возможно. Зачастую это означает поиск способов обеспечить население доступными по цене

лекарственными препаратами в тех странах, где граждане не в состоянии нести расходы по особо эффективному и современному лечению серьезных заболеваний. Нередко это включает и непосредственную помощь со стороны врачей и других медицинских работников. Однако, что бы это ни предполагало, Православная Церковь обязана призывать к непрестанным усилиям по исцелению всех народов во имя Христа, Целителя душ и тел, и сама участвовать в них.

§41 В любой стране малоимущие почти всегда первыми страдают от всевозможных общих неблагоприятных условий, природных или социальных, экономических или политических. И во многих случаях бедность – это результат расовой или классовой дискриминации, а не просто личного несчастья. Например, нынешний экологический кризис – антропогенное изменение климата, токсическое загрязнение водных источников и почв по всему миру, повсеместное разрушение всей экосистемы микропластиком и другими отходами, вырубка лесов, эрозия почв, стремительное уменьшение биологического разнообразия и т. д. – это катастрофа неизмеримого масштаба для всей планеты и всех видов земной жизни. Однако почти всегда самые тяжелые бремя экономически слаборазвитые области земли, где для защиты обездоленных от последствий промышленных выбросов и общего экологического опустошения правительства могут сделать – или предпочитают делать – крайне мало. Кроме того, именно бедные слои населения чаще всего оказываются в положении перемещенных лиц и терпят еще большую нищету из-за разрушения окружающей среды. И даже в развитых странах мира самые бедные граждане, как правило, чаще всего сталкиваются с плачевными последствиями ухудшения состояния окружающей среды и испытывают нехватку ресурсов для исправления своего положения. Пока будут существовать огромные различия в достатке между странами и между отдельными людьми, социально-политическая власть будет находиться в основном в руках богатых – и любая степень относительной невосприимчивости к последствиям человеческой глупости, коррупции или стихийных бедствий будет достигаться с помощью материальных средств. То же касается и лучших возможностей образования или профессионального роста, более качественного здравоохранения, правовой защиты, финансовых возможностей, доступа к институтам политической власти и так далее. Огромное экономическое неравенство неизбежно ведет к социальной несправедливости; более того, согласно учению Христа, оно есть мерзость в очах Божиих. Для того чтобы обслуживать это неравенство, в двадцатом веке появились целые школы

экономики, утверждающие, что оно необходимо сопутствует любой функционирующей экономической системе. Однако все аргументы, приводимые этими школами, в лучшем случае тавтологичны и доказывают лишь то, насколько обедняется нравственное воображение человека, когда оно оказывается в рабстве у идеологии. Церковь, напротив, должна полагаться на заверения Христа о том, что ищущих Царства Божия и правды его Господь обеспечит всем необходимым. Оставаясь верной миссии пророков и Евангелию воплощенного Бога, она всегда должна быть, прежде всего, голосом, поднятым в защиту бедных, и возвышающимся, когда это необходимо, против богатых и сильных, а также против правительств, которые пренебрегают слабыми или злоупотребляют ими на службе интересам сильных. Помня о примере Церкви апостольской эпохи, она должна во всяком поколении спрашивать у каждого общества, нет ли у него эффективных средств – и, возможно, новых экономических моделей, – с помощью которых было бы возможно добиться более справедливого распределения материальных ресурсов и тем самым более радикальной приверженности совместному благу людей и планеты, которую они населяют. Согласно св. Марии Скобцовой, это поручение адресовано всем, кто стремится подняться с земли на небеса и радоваться вместе с ангелами, когда кому-то предлагают чашу воды во имя Господа: «К плоти брата своего у человека должно быть более внимательное отношение, чем к своей плоти. Христианская любовь учит нас давать брату не только дары духовные, но и дары материальные. Мы должны дать ему и нашу последнюю рубашку, и наш последний кусок хлеба. Тут одинаково оправданны и нужны как личное милосердие, так и самая широкая социальная работа. В этом смысле нет сомнения в призвании христианина к социальной работе. Он призван организовать лучшую жизнь трудящимся, обеспечить старых, строить больницы, заботиться о детях, бороться с эксплуатацией, несправедливостью, нуждой, беззаконием»[\[37\]](#).

V. Война, мир и насилие

О мире всего мира . . .

§42 Красота и благость творения щедро свидетельствуют о себе в самом устройении природы; но наш мир – также мир падший, порабощенный смерти, обезображенный насилием, жестокостью, невежеством и соперничеством. Насилие в природе – уже признак того, что сотворенный порядок искажен отчуждением от Бога; но насилие, преднамеренно совершаемое разумными человеческими существами, особенно когда оно организовано в массовом масштабе и принимает характер войны между народами или странами, есть

самое ужасное проявление господства греха и смерти во всех вещах. Ничто так не противоречит воле Бога в отношении существ, сотворенных по Его образу и подобию, как насилие друг над другом, и нет ничего более кощунственного, чем организованная практика массовых убийств. Всякое человеческое насилие в каком-то смысле есть восстание против Бога и созданного Им порядка. По слову Гедеона, «Господь есть Мир» (Суд. 6:24); а св. Силуан Афонский утверждал, что «наш брат – это наша жизнь»[\[38\]](#). Так и Церковь провозглашает вместе с псалмопевцем: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс. 132[133]). Первые главы Книги Бытия повествуют о том, что гармония, мир, общение и изобилие являются истинной «грамматикой» творения, той, которую выразил Бог в Своем вечном Слове. И, однако, все народы живут по закону агрессии – порой невыраженной, а иногда явной. И хотя военные бедствия были постоянным фактом человеческого опыта на протяжении всей истории, современная эпоха национальных государств и позднемодерное развитие технологий уничтожения доселе невообразимой силы превратили то, что некогда было просто трагически извечным состоянием общества, в острый кризис всего человеческого рода.

§43 Насилие – это преднамеренное применение физической, психологической, финансовой или социальной силы против других или против самого себя, причиняющее вред, страдания или смерть. Его формы и проявления так многочисленны, что их невозможно сосчитать. Они включают физическое насилие любого рода, сексуальные посягательства, насилие в семье, аборт, преступления на почве ненависти, террористические акты, военные действия и так далее, а также акты самокалечения и самоубийства. Все это причиняет вред всем вовлеченным сторонам: физический, психический и духовный – не только жертвам, но и виновникам. Фактически, исследования подтверждают, что влияние насилия почти никогда не ограничивается непосредственно вовлеченными сторонами и приносит вред – пусть даже незаметный – всему человечеству и всему творению. Подобно инфекции, последствия насилия распространяются на «всечеловека Адама», часто делая любовь трудной или даже невозможной, развращая человеческое воображение и разрывая хрупкие узы любви и доверия, которые соединяют людей друг с другом в общность. Каждый акт насилия против другого человека – это на самом деле насилие над членом собственной семьи, и убийство другого, даже в тех случаях, когда оно неизбежно, – это убийство собственного брата или сестры. В той мере, в какой наша жизнь поддерживается, защищается или обогащается за счет насилия – даже если оно совершается государством от нашего имени без

нашего ведома – мы соучаствуем в грехе Каина. В конце концов, можно справедливо утверждать, что насилие – это грех *par excellence*. Оно абсолютно противоречит нашей тварной природе и сверхъестественному призванию искать союза в любви с Богом и ближним. Оно отрицает божественный порядок реальности, то есть порядок мира, общения и милосердия. Оно отрицает и подавляет божественное достоинство, присущее каждой душе, и посягает на образ Божий в каждом из нас.

§44 Православная Церковь, естественно, не может одобрить насилие, ни как самоцель, ни даже как средство достижения какой-либо иной цели, будь то физическое, сексуальное насилие или злоупотребления властью. При каждом совершении Евхаристии Церковь молится на великой ектении: «О мире всего мира Господу помолимся». Мир для Церкви – это нечто большее, чем состояние перемирия, с легкостью навязанное жестокому по своей природе миру. Это, скорее, – подлинное раскрытие глубинной реальности творения, как ее желает Бог и какой Он ее задумал в Своем предвечном совете. Это – восстановление творения в его истинной форме, хотя и частичное. Истинный мир – это само присутствие Бога среди нас. Великое множество святых Церкви, таких как св. Моисей Мурин и св. Серафим Саровский, добровольно приняли решение терпеть насилие, не отвечая на него и не требуя возмещения. Согласно священному преданию, святые киевские князья Борис и Глеб пожертвовали и своим царством, и жизнью, чтобы только не причинить насилие другим, защищая себя или свои владения. Церковь чтит всех таких мучеников за мир как свидетелей силы любви, благодати творения в его первоизданном и окончательном виде, а также как идеал человеческого поведения, установленный Христом во время Его земного служения.

§45 И все же Церковь сознает, что она не может предугадать всех непредвиденных обстоятельств, на которые людям или народам приходится реагировать в любой момент времени, и что в падшем и раздробленном мире бывают периоды, когда нет исключительно мирных способов для того, чтобы возделывать мир для всех. Безоговорочно осуждая всякого рода насилие, она, тем не менее, признает трагическую необходимость в том, чтобы отдельные лица, сообщества или государства использовали силу для защиты себя и других людей от непосредственной угрозы насилия. Так, ребенок, подвергающийся насилию со стороны члена семьи, женщина, терпящая грубое обращение мужа, законопослушный гражданин, на которого жестоко напали, прохожий, ставший свидетелем домогательства, сообщество или народ, подвергшийся агрессии со стороны безжалостного завоевателя, могут, в меру их веры и любви, принять решение защитить себя и ближнего от

насильников. Самооборона без злобы может быть оправданной, и защита угнетенных от притеснителей часто является нравственным долгом; но иногда, как это ни трагично, ни то, ни другое невозможно без разумного применения силы. В таких случаях необходимы молитва и рассудительность, а также искреннее усилия, направленные на примирение, прощение и исцеление. Кроме того, Православная Церковь признает и подтверждает обязанность законной власти защищать уязвимых, предотвращать и ограничивать насилие, а также содействовать миру между людьми и между народами. Поэтому в ектениях, которые произносятся за богослужением, она горячо молится «о властях», чтобы Господь дал им «мирное правление». Одной из главных задач любой власти является сохранение жизни и благополучия тех, кто пребывает под ее защитой. Но правительство достигает этого наилучшим образом тогда, когда работает над снижением уровня насилия и содействует мирному сосуществованию людей, стремясь установить справедливые и гуманные законы и предоставить равную защиту и свободу всем подвластным ему сообществам, в том числе этническим и религиозным меньшинствам. Применение силы всегда должно быть последним средством любой справедливой власти и никогда не должно быть чрезмерным.

§46 Исторически Православная Церковь не настаивала на строго пацифистском ответе на войну, насилие и угнетение. Она также не запрещала верующим служить в армии или полиции. Примером тому служат святые из числа воинов, которые во множестве были прославлены Церковью как мученики. И все же Православная Церковь никогда не разрабатывала какой-либо «теории справедливой войны», которая стремилась бы наперед и на основе набора абстрактных принципов оправдать и морально одобрить применение государством насилия при соблюдении ряда общих критериев. В самом деле, она никогда не считала войну «священной» или «справедливой». Вместо этого Церковь просто признала неизбежно трагическую реальность того, что грех иногда требует мучительного выбора между продолжением насилия и употреблением силы с целью положить ему конец, – хотя она никогда не перестает молиться о мире и хотя знает, что силовое принуждение всегда является нравственно несовершенным ответом на любую ситуацию. Тем не менее, никто – даже если он призван на военную службу, – с нравственной точки зрения не обязан участвовать в действиях, которые, по его убеждению, противоречат правде и заповедям Евангелия. Христианская совесть всегда должна господствовать над императивами национальных интересов. Прежде всего, христианин всегда обязан помнить, что те действия, которые считаются террористическими актами, когда они

совершаются отдельными лицами или организованными группировками – как, например, произвольное убийство невинных граждан ради продвижения политической цели – не становятся морально приемлемыми, если они осуществляются официально признанными государствами или с использованием передовых военных технологий. Действительно, можно утверждать, что одной из определяющих черт современной войны является эффективное сочетание стратегий ведения боевых действий и преднамеренного террора в отношении гражданского населения.

§47 Учение Церкви, которое всегда имеет своей целью наше спасение и преуспеяние во Христе, ее молитвы, в которых она испрашивает «доброе и полезное душам нашим, и мира всего мира», должны напоминать нам о духовных последствиях и опасностях войны и насилия, даже для тех, у кого нет иного выбора, кроме как защищать себя и своих ближних силой. Христос учит нас: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Это возвещение первым делом направляет наш взор на Крест Христов, который был местом, прежде всего, покорности насилию и отказа от возмездия. Крест как таковой, сам по себе, никак не оправдывает применение силы для защиты себя или других. Однако он напоминает нам о том, что, когда приходится защищать невинных от насильников, единственно истинным христианским мотивом может быть любовь. Церковь отвергает всякое насилие, в том числе и оборонительные действия, которые порождены ненавистью, расизмом, местью, эгоизмом, экономической эксплуатацией, национализмом или поиском личной славы. Подобные мотивы, которые слишком часто являются скрытыми мотивами ведения так называемых «справедливых войн», никогда не благословляются Богом. Более того, даже в тех редких ситуациях, когда применение силы не запрещено безусловно, Православная Церковь все же видит потребность в духовном и эмоциональном исцелении отношений между всеми причастными к нему людьми. Неважно, страдает человек от насилия или же совершает его, и по какой причине это происходит. Вред наносится всему человеку, неизбежно затрагивая его отношения с Богом, ближним и творением. В этой связи св. Василий, например, советовал воину, убившему человека в ходе оборонительной войны, хотя сам он и не является преднамеренным «убийцей», все же воздержаться от Евхаристии на ограниченный срок и принять покаянную дисциплину как «имеющему нечистые руки»[\[39\]](#). Многие жертвы нападений, а также многие военнослужащие, полицейские и лица, совершившие насилие, находят этот опыт духовно разрушительным и, как следствие, глубоко подрывающим их способность к вере, надежде и любви. Церковь страдает вместе со всеми такими людьми, молясь об исцелении и

спасении всех «болящих, страждущих, плененных» (Божественная литургия св. Иоанна Златоуста). Православная Церковь должна постоянно предлагать служение духовного исцеления и тем, кто стал жертвой насилия, и тем, кто его применил. Так она проявляет заботу обо всех, кто восприимчив к Божией милости и благодати. Христовы Страсти, Распятие и Воскресение учат нас, что любовь Божия способна без остатка войти в бездну греха и смерти и победить их, превратив даже крест, худшее из мыслимых орудий невыносимого страха и насильственной смерти, в «оружие мира» и «животворящее древо» (из службы праздника Воздвижения Креста).

§48 Православная Церковь отвергает смертную казнь и делает это из верности Евангелию и примеру Апостольской Церкви. Она придерживается законов прощения и примирения как главных императивов христианской культуры, постоянно указывая на потенциал и обетование преображения во Христе. Она настаивает на ответственности всех правительств за ограничение насилия всеми возможными способами. Поскольку смертная казнь воздаёт злом за зло, ее нельзя рассматривать как добродетельную или даже терпимую практику. И хотя некоторые могут пытаться оправдывать ее как выражение соразмерной справедливости, для христиан подобная логика неприемлема. В Евангелиях Христос неоднократно отвергает сам принцип соразмерности. Он требует от Своих последователей придерживаться правила прощения, которое не только превосходит требования «естественной» справедливости, но даже оставляет в стороне гнев Закона в пользу его же более глубокой логики милосердия (как в случае женщины, взятой в прелюбодеянии). И в целом Новый Завет постоянно требует от христиан упражняться в безграничном прощении. Иногда слова из Послания к Римлянам 13:1-7 (где упоминаются «носящие меч», *machairophoroi*, имеющие полицейские полномочия) приводятся в поддержку смертной казни, но нет никаких оснований полагать, что при написании этих стихов Павел имел в виду именно ее; и даже если бы это было так, данный текст не дает никаких указаний относительно христианского подхода к справедливому управлению, а, скорее, лишь устанавливает стандарт мирного христианского поведения в условиях языческой власти в первом веке. Простой исторический факт состоит в том, что самые первые христиане – те, чьи общины напрямую вышли из Церкви Апостолов – более или менее повсеместно были убеждены, что заповедь Христа не судить других представляла собой нечто большее, нежели запрещение частных предубеждений. Так, христиане не должны были служить судьями или военными служащими в первую очередь по той причине, что эти должности требовали выносить людям смертные приговоры или приводить их в исполнение. Отказ от участия в гражданском механизме

юридически обоснованного насилия был одним из наиболее отличительных признаков раннехристианского движения и предметом презрения со стороны наблюдателей-язычников. Это засвидетельствовано в первых христианских текстах послеапостольского периода. Св. Иустин Мученик уверял, что христианин скорее умрет, чем отнимет чью-то жизнь, даже в случае законного смертного приговора[40]. Согласно «Апостольскому Преданию», традиционно приписываемому Ипполиту Римскому, никто из тех, кто намеревался стать воином, не мог быть принят в Церковь, тогда как тем, кто на момент обращения уже служил в армии, запрещалось приводить в исполнение даже законный смертный приговор[41]. Арнобий ясно заявил, что христиане вообще не должны выносить смертный приговор, даже если он вполне заслужен. Афинагор утверждал, что умерщвление даже тех, кто виновен в тяжких преступлениях, должно быть противно христианам, поскольку они обязаны рассматривать всякое убийство человека как осквернение души[42]. Минуций Феликс, св. Киприан и Тертуллиан полагали само собой разумеющимся, что в христианском представлении невинные никогда не могут убивать виновных. Согласно Лактанцию, христианин не может ни убить справедливо осужденного преступника, ни даже обвинить другого человека в тяжком преступлении[43]. Правда, после обращения империи Церковь была вынуждена принять реальность сложившейся судебной-исправительной системы, которая включала смертную казнь и которую можно было смягчить лишь до некоторой степени. Тем не менее, рассуждая о случаях, предполагающих смертный приговор, величайшие Отцы Церкви последовательно выступали против применения закона в полном объеме – отчасти потому, что смертная казнь представляет собой узурпацию роли Бога как справедливого Судии, а отчасти оттого, что она лишает преступника возможности раскаяться. Св. Иоанн Златоуст, хваля императора за то, что тот воздержался от «законной расправы» над бунтовщиками, вопрошал: «А вы, если умертвите образ Божий, как можете поправить сделанное?»[44]. Среди Отцов преобладало мнение, что Нагорная проповедь, запрещающая возмездие, устанавливает для христиан образец, как в частной, так и в общественной сферах, поскольку на Кресте Христос не только довел до совершенства отказ от насилия, но и исчерпал гнев Закона. Безусловно, по прошествии веков и по мере приспособления Церкви к культурам и правителям, с которыми она вступала в союз, об этой пророческой неприязни к смертной казни часто забывали, притом надолго; но она остается идеалом Нового Завета и самой что ни на есть ранней Церкви, и в наши дни этот идеал без колебаний можно полностью восстановить и провозгласить заново. Таким образом, хотя Церковь всецело признает, что государство обязано

заключать в тюрьму тех, кто может причинить вред другим, она в то же время призывает к отмене смертной казни во всех странах. Также Церковь взывает к совести людей во всем мире, прося признать, что смертная казнь почти всегда является наказанием, предназначенным для тех, у кого нет средств для лучшей правовой защиты, или тех, кто принадлежит к расовым или религиозным меньшинствам.

§49 Для православных христиан путь мира, диалога и дипломатии, прощения и примирения всегда предпочтительнее применения насилия, смертной казни, полицейской или военной силы. Пожалуй, наивысшее выражение христианской святости в ответ на насилие можно увидеть в тех, кто изо дня в день трудится ради взаимопонимания и уважения между людьми, предотвращения конфликтов, воссоединения разлученных, поиска экономических и социальных механизмов для смягчения проблем, приводящих к насилию, а также в тех, кто заботится о людях и поддерживает страждущих и оказавшихся на обочине жизни. Это касается и тех, кто посвящает себя искоренению духовных первопричин насилия в себе и других. Потому наш Господь и возвещает: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). Произнося «Отче наш», мы принимаем наше призвание «детей Божиих» быть миротворцами в наших семьях и местных общинах, усердно трудиться ради предотвращения насилия и войны, исцелять раздробленность, сохраняющуюся под поверхностью, в нас самих и в других людях. Как говорит св. Василий, «не могу сам себя уверить, что, без взаимной любви с другими и без старания, по мере сил моих, пребывать в мире со всеми, можно мне достойным образом именоваться рабом Иисуса Христа»[\[45\]](#). И также добавляет: «Ничто не свойственно так христианину, как быть миротворцем»[\[46\]](#).

VI. Экуменические отношения и отношения с другими вероисповеданиями

О соединении всех Господу помолимся

§50 Православная Церковь мыслит себя как единую, святую, соборную и апостольскую Церковь, о которой говорится в Никео-Цареградском символе. Она есть Церковь Соборов, чьи харизма и полномочия не прекращаются со времен Собора Апостолов в Иерусалиме (Деян. 15:5-29) и до сего дня[\[47\]](#). У нее есть все необходимое для того, чтобы быть в полной мере католическим и единым Телом Христовым, и она обладает всей полнотой таинственной, учительской и пастырской благодати. Как писал о. Георгий Флоровский: «Действительно, православные не могут не утверждать, что существенная

тождественность православной Церкви с Церковью всех веков, и в частности с “древней Церковью” (*die Urkirche*), есть ее единственная “специфическая” или “отличительная” черта в “разделенном христианстве”. Другими словами, она не *одна из* церквей, а сама Церковь, как таковая. Это утверждение огромно, но справедливо и правильно. Здесь более чем ненарушенная историческая непрерывность, которая, конечно, совершенно очевидна; здесь прежде всего полная духовная и онтологическая тождественность, одна и та же вера, один и тот же дух, один и тот же этос. Это и является отличительной чертой Православия. “Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди”»[\[48\]](#).

§51 Тем не менее, из любви и желания делиться духовными богатствами своей традиции со всеми, кто ищет лика Христова, Православная Церковь искренне стремится к единству со всеми христианами. Более того, она сознает, что конкретные формы традиции в культуре не следует путать ни с истинным апостольским авторитетом, ни с вверенной ей благодатью, сообщаемой через таинства. Церковь ищет устойчивого диалога с христианами из других сообществ ради того, чтобы они в полной мере постигли красоту православия, а не с целью обратить их в некий культурный «византизм». Она делает это также из желания знакомиться с опытом, накопленным христианами по всему миру, постигать множество культурных проявлений христианства и искать единства со всеми, кто призывает Имя Иисусово. Православие не может молчать и должно протянуть руку всем христианам, призывая их к полноте веры: «Миссией и долгом Православной Церкви является передавать и возвещать всю содержащуюся в Священном Писании и Священном Предании истину, которая и наделяет Церковь кафоличностью. Ответственность Православной Церкви в отношении единства, равно как и ее вселенская миссия, были выражены Вселенскими Соборами. Они особенно подчеркивали наличие неразрывной связи между правой верой и общением в таинствах»[\[49\]](#).

§52 Хотя в настоящее время видимое единство всех христиан в таинствах представляется лишь далекой надеждой, сила Духа Божия не знает преград, и Церковь не может ослаблять труды, направленные на достижение окончательного воссоединения всех, кто собирается вместе во Имя Христово. А до того дня, если только их сердца и умы будут открыты действию Слова и Духа, христиане всех сообществ могут встречаться в любви и вместе трудиться ради преобразования мира. Так, они могут сотрудничать в делах милосердия, являя этим Божию любовь миру, и совместно продвигать социальную и гражданскую справедливость, возвещая Божию правду и мир

всем народам. Более того, даже если они пока не могут наслаждаться совершенным общением в полноте таинственной жизни Церкви, все христиане в силу крещения во Святую Троицу призваны собираться вместе для молитвы, каяться в прошлых недоразумениях и причиненных братьям и сестрам обидах, а также любить друг друга как соратников и сонаследников Царства Божия. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35).

§53 Православная Церковь имеет особенно тесные отношения с теми сообществами, которые напрямую восходят к древней Апостольской Церкви и которые разделяют с ней в чем-то сходное понимание апостольского дара епископской преемственности и сходное богословие таинств: это древние Церкви Египта и Эфиопии, Армении, Ассирийской традиции, Кентербери и Рима. Соответственно, Церковь ведет важные двусторонние диалоги с Римско-Католической Церковью и Англиканским содружеством и молится, чтобы эти диалоги принесли плод полного единства с Церковью. Но она пребывает в родстве со всеми христианскими сообществами, и ее любовь ко всем одинаково безусловна. Вот уже более века Православная Церковь играет ведущую роль в движении к христианскому единству, повинувшись молитве и увещанию нашего Господа о том, чтобы «все были едино» (Ин. 17:21). В частности, Вселенский Патриархат находится на переднем крае взаимодействия православных с христианами других сообществ и остается постоянным участником многочисленных двусторонних и многосторонних диалогов с другими крупными христианскими Церквями. Фактически, Вселенский Патриархат был одним из основателей Всемирного Совета Церквей и имеет постоянного официального представителя в его центральных органах.

§54 Одним словом, Церковь стремится к устойчивому диалогу с другими христианами. Диалог в православном понимании по существу и изначально является отражением диалога между Богом и человечеством: он иницируется Богом и ведется через Божественный Логос (*dia-logos*) – нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. Охватывая всю человеческую жизнь, диалог происходит во всех наших встречах, личных, социальных или политических, и всегда должен распространяться на тех, кто придерживается отличных от наших религий. Слово Божие мистически присутствует во всех наших связях и отношениях, постоянно направляя наш обмен словами и идеями к духовному единению сердец в Нем. Конечно, Православная Церковь считает своим долгом всегда интерпретировать другие традиции и точки зрения в соотношении с тем, что было открыто ей

Богом. При этом она открыта для «всего, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Флп. 4:8) и радуется всякий раз, когда обнаруживает это в своих партнерах по диалогу. Наша приверженность экуменическим отношениям с другими христианскими конфессиями отражает эту открытость всем, кто искренне ищет истину как воплощенный Логос, Иисуса Христа, и кто остается верным своей совести, даже когда мы продолжаем свидетельствовать о полноте христианской веры в Православной Церкви. Более того, Церковь может стоять на этом пути вместе с другими христианами не только из солидарности, основанной на общей истории и нравственном видении, но и потому, что другие христианские группы через крещение во имя Пресвятой Троицы и исповедание веры Соборов утверждают и разделяют многие аспекты православного учения и Предания.

§55 Бог есть Отец всех родов небесных и земных. Логос Божий пронизывает всё, и всё было создано через Его Логос. Дух Божий пребывает повсюду, просветляя и оживляя все существующее. И потому творение повсеместно провозглашает силу, мудрость и благодать своего Создателя, тогда как Бог присутствует во всякое время и на всяком месте для тех, кто ищет истину. Православная Церковь существует как конкретная реальность мистического Тела Христова во времени и всегда непрестанно свидетельствует о «свете», просвещающем нас «познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4:6). Именно поэтому Церковь не только обращается к различным христианским конфессиям, с которыми ведет диалог в истории, свидетельствуя о православии, но и выходит навстречу нехристианским религиям и религиозным общинам, открытым к истине и зову Божию. В этом отношении она также утверждает (начиная с самых первых веков христианства), что Божественный Логос сияет во всем укладе сотворенного мира и говорит с каждым сердцем все еще различимым голосом совести, и что Дух Божий действует везде, где почитается истина. Святой Иустин Мученик, например, утверждал, что познание Своего Логоса Бог сообщил не только сынам и дочерям Израилевым, но и греческим философам, никогда не знавшим Христа, и всем народам, поскольку семена вечного Логоса были посеяны во всех человеческих существах; таким образом, говорит он, все, кто жил в согласии с этим Логосом, в некотором смысле уже являются христианами, в то время как христиане могут утверждать как свою собственную всякую истину, известную народам земли по Божию вдохновению [\[50\]](#). Согласно св. Максиму Исповеднику, изначальные логосы, обитающие во всех вещах и присущие им, пребывают в едином Логосе Бога и

находят свой исторический центр во Христе^[51]. Более того, Церковь знает, что полнота тайны Логоса Божия выходит за пределы человеческого понимания и сообщается путями настолько многочисленными и чудесными, что их невозможно сосчитать или постичь. Таким образом, Церковь ищет диалога с другими религиозными традициями не из желания изменить содержание своей веры и, тем более, не из тревоги по поводу его достаточности. Она делает это из благоговейной любви ко всем, кто ищет Бога и Его блага, в твердой уверенности, что Бог не исключил ни один народ из участия в познании Его славы и благодати. Это, конечно, не означает отрицания множества непримиримых различий между пониманием истины в Церкви и в других религиозных традициях, и она, конечно же, не пытается скрыть этот факт. Церковь не стремится ни к компромиссам в отношении собственных основополагающих убеждений, ни к высокомерному отношению к верованиям других религий как к непоследовательным. В то же время, зная, что Бог открывает Себя бесчисленными способами и с безграничной изобретательностью, Церковь вступает в диалог с другими вероисповеданиями с готовностью изумляться и восхищаться разнообразием и красотой щедрых проявлений божественной благодати, милости и премудрости среди всех народов.

§56 Хотя Православная Церковь стремится к более тесным узам дружбы со всеми вероисповеданиями, она признает свою уникальную ответственность в отношении двух других «народов книги» – авраамических традиций ислама и иудаизма, с которыми она издавна ведет диалог и рядом с которыми существует на протяжении тысячелетий. Поэтому Церковь может соприкоснуться и соприкасается с красотой и духовными истинами ислама во всех его многочисленных традициях, признавая особую близость с ним в учении о рождении от Девы (Коран 3:47, 19:16–21, 21:91) и в признании Иисуса как Мессии, Посланника, Слова и Духа Божия (4:171). Хотя православие не может согласиться с исламом в его отрицании Боговоплощения и Бога как Троицы, оно, тем не менее, способно вести содержательный диалог со всеми частями исламской уммы относительно правильного понимания этих главных положений христианской веры. Православная Церковь считает, что общие корни христианства и ислама на Ближнем Востоке, общее утверждение идеи единого Бога, как и общее признание святости и истины Слова Божия и Божиих Пророков, важность молитвы и аскезы, а также стремление различать во всем волю Божию приглашают ислам и православие вступить в тесный диалог ради продвижения мира и взаимопонимания между всеми народами.

§57 Что касается иудаизма, то, став Человеком, Предвечный Сын Божий по плоти стал евреем, родился в среде Израиля и стал наследником заветов Бога с избранным Им народом. Он пришел, чтобы исполнить спасительные обетования Бога Своему народу как Мессия Израиля. Первая кровь, пролитая Им за искупление мира, была взята в день Его обрезания. Его первое исповедание перед лицом мира, как и первое возвещение Его миссии миру (Лк. 4:18-21) о правде Божией, совершилось в синагоге. В Его служении возобновился язык великих пророков Израиля. И Он был казнен языческой властью с титулом «Царь иудейский». Именно Израилю Бог объявил Себя Сущим, Израилю Он дал Закон как язык любви и общения, с Израилем заключил вечный завет, и Израилю возвестил: «Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:3). Как подчеркивал апостол Павел, христиане спасаются во Христе только благодаря тому, что прививаются, наподобие ветви дикой маслины, к возделанному оливковому дереву Израиля, и не ветви поддерживают корень, а скорее корень ветви (Рим. 11:16-24). Православные христиане смотрят на еврейские общины по всему миру не просто как на общины приверженцев другого вероучения, но и, в некотором смысле, как на своих духовных предшественников в истории спасительных Божиих откровений и хранителей того драгоценного наследия, которое является первым полным проявлением спасительного присутствия Бога в истории. К сожалению, в настоящий момент на этом приходится делать особый упор. В последние годы мы стали свидетелями возрождения во многих частях западного мира самых коварных идеологий национальной, религиозной и даже расовой идентичности в целом и антисемитских движений в частности. Нетерпимость и жестокость по отношению к евреям издавна были явным злом, поражающим христианские культуры. Величайшая в европейской истории систематическая кампания массовых убийств и попыток геноцида была предпринята против евреев Европы; в то время как одни Православные Церкви демонстрировали исключительное великодушие и даже жертвенное сострадание к своим еврейским братьям и сестрам, заслужив от них почетный титул «праведников народов мира», другие исторически православные народы имеют за собой темное прошлое антисемитского насилия и угнетения. За все это зло христиане должны искать у Бога прощения. Во искупление тех преступлений против еврейского народа, которые были совершены именно на православных землях, Церковь ищет как Божиего прощения, так и более глубоких отношений любви и уважения к еврейским общинам и иудейской вере.

§58 История других неправославных христианских религиозных традиций еще не закончена, и, согласно православию, как и другие неправославные христианские объединения, они находят свою согласованность и ясность только в Православной Церкви. Что касается иных религий, то Православная Церковь вдохновляется словами апостола Павла, обращенными к афинянам в Ареопаге: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:23). Исходя из этого, Церковь может провозглашать, что истинному Богу, в Котором живет, движется и получает свое бытие все человечество, повсюду поклоняются как христианские, так и нехристианские народы. И это лишь усиливает ее желание дать всем людям и народам осознание того, что лицо этого единого истинного Бога ясно сияет в Лице Иисуса Христа. Более того, Церковь, озаренная этим сиянием, вступает в диалог с другими религиями, полностью готовая к тому, чтобы получать наставления от их интеллектуальных, культурных и духовных достижений. Возможно, что так же, как Церковь первых веков извлекала пользу из многих философских, религиозных и культурных богатств дохристианской Европы, Малой Азии и Ближнего Востока, а со временем христианизировала их, так и теперь она может открыть для себя новые способы выражения своей веры или новые типы осмысления ее культурных проявлений и концептуальных форм через ознакомление, скажем, с великими философскими учениями и верованиям Индии, традициями Китая и в более широком смысле Дальнего Востока, с духовным опытом племенных народов по всему миру и так далее. Опять же, как настаивал Иустин Мученик, нами приветствуется все, что истинно и угодно Богу, ибо Логос пребывает повсюду и светит во всяком месте.

§59 Кроме того, Православная Церковь стремится действовать сообща со всеми людьми и народами, которые возвращают и охраняют все необходимое духу от разъедающего материализма современной эпохи, и со всеми, кто разделяет ее отвращение к тем формам религиозного экстремизма и фундаментализма, которые кощунственно связывают ненависть, фанатизм и насилие с именем Божиим. В «Послании Святого и Великого Собора» сказано, что «искренний межрелигиозный диалог способствует развитию взаимного доверия, продвижению мира и примирения. Церковь подвизается ради того, чтобы сделать более ощутимым присутствие “свышнего мира” на Земле. Истинный мир достигается не силою оружия, но только путем любви, “не ищущей своего” (1 Кор. 13:5). Елей веры должен использоваться для облегчения и исцеления старых ран других людей, а не для разжигания новых очагов ненависти»[\[52\]](#). По этой причине Православная Церковь подходит к межрелигиозному диалогу, полностью признавая существующие

различия между традициями, но при этом твердо настаивая на реальной возможности мирного сосуществования и сотрудничества между различными религиями. Прежде всего, она стремится преодолевать невежество, враждебность и страх путем взаимопонимания и мира, проистекающего из истинной дружбы.

§60 Для православных христиан, проживающих в неправославных странах, межрелигиозные встречи и диалог являются и будут оставаться важными средствами, с помощью которых претворяется в жизнь уважительное отношение к религиозным различиям и провозглашается истина. Межрелигиозный диалог – это не просто поиск общих оснований или обнаружение точек соприкосновения; это также встреча с другими на личном и человеческом уровне. Он требует уважения к человеческой личности, созданной по образу Божию, и к любви Божией ко всему человечеству и всему творению. Встреча и диалог требуют риска как на уровне отдельного человека, так и на уровне сообщества. Значит, любой диалог носит личностный характер, поскольку предполагает взаимодействие уникальных, незаменимых личностей, не только христиан, но других людей, чье личностное бытие неразрывно связано с их индивидуальной, социальной, культурной и религиозной историей. Однако всякий диалог является общим делом, поскольку основополагающим для православной экклесиологии служит представление о том, что отдельный член Церкви существует только в общении или в отношении со всем Телом Церкви и, в конечном счете, со Христом как его Главой.

VII. Православие и права человека

Ты сотворил нас по Своему образу и подобию

§61 Неслучайно, что язык прав человека, а также конвенции и институты, разработанные для защиты и развития этих прав, возникли именно в тех странах, нравственная культура которых была сформирована христианскими принципами. Сегодня мы используем концепцию врожденных прав человека как своего рода нейтральную грамматику, с помощью которой можно договариваться о гражданских и правовых механизмах сохранения человеческого достоинства, всеобщей свободы, социальной стабильности, одинаковых прав для всех, полного политического равноправия, экономической справедливости и равенства перед законом, а также в качестве института для принятия международных конвенций о защите прав меньшинств, мигрантов и лиц, ищущих убежища, против военных злодеяний и преступлений против человечности. Однако исторические корни этих идей

уходят глубоко в почву Евангелия и его возвещения – в средоточии имперской культуры, которой они были по большей части чужды – бесконечной ценности каждой души и о полноте достоинства каждого человека. Во всех значительных современных заявлениях и хартиях всеобщих гражданских прав, начиная с «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным учредительным собранием Франции (1789 г.) и кончая «Всеобщей декларацией прав человека» Организации Объединенных Наций (1948 г.) и вытекающих из нее резолюций, безусловно утверждается, что моральные требования всякого человека к своему обществу и его законам более первичны и неприкосновенны, чем права сословий, правительств или институтов власти. Это утверждение в значительной степени обусловлено иудейскими и христианскими истоками европейской цивилизации. Следовательно, православные христиане могут и должны с радостью усваивать язык прав человека в их попытках содействовать справедливости и миру между народами и странами и защищать слабых от сильных, угнетенных от притеснителей и неимущих от тех, кто хочет их эксплуатировать. Язык прав человека не в состоянии высказать все то, что можно и должно сказать о глубоком достоинстве и славе существ, созданных по образу и подобию Божию; но это язык, который уважает данную реальность таким образом, что допускает международное и межрелигиозное сотрудничество в сфере гражданских прав и гражданского правосудия и поэтому способен выразить многое из того, что должно быть сказано. Поэтому Православная Церковь присоединяется к призыву защищать и продвигать права человека во всем мире, признавая их основополагающими и неотъемлемыми для каждой человеческой жизни.

§62 Бог сотворил человечество по Своему образу и подобию и наделил каждого человека – мужчину, женщину и ребенка – полнотой духовного достоинства людей, созданных в соответствии с божественным личностным бытием Отца, Сына и Святого Духа. Тем самым Он дал бытие новой области сотворенной свободы, отчетливо человеческое ее пространство. Согласно православному преданию, человечество играет особую посредническую роль в творении, одновременно существуя в сферах материи и духа, всецело обладая характеристиками обоих и образуя единство между ними. Как таковое, человечество есть священническое присутствие духовной свободы в мире материальных причинно-следственных связей и органических процессов, проливающее свет разумной свободы на весь материальный космос и приносящее жизнь мира Богу. И Церковь обладает особо возвышенным пониманием того, в чем такая свобода состоит. Истинная свобода человека – нечто большее, чем просто неопределенная способность

выбирать то, что он хочет делать или чем желает владеть при минимальном вмешательстве со стороны государства или официальных властей (хотя, конечно, нет ничего предосудительного в стремлении к настоящей личной свободе и иммунитету от авторитарной власти). Это осознание благой цели собственной природы, способность вырасти в полную меру человечности, что для человека означает свободное стремление к союзу с Богом. Тогда она никогда не бывает просто «негативной свободой» неопределенной открытости всему. Быть полностью свободным – значит быть в единстве с тем, для чего изначально была создана наша природа и к чему в глубине души неустанно стремится человек. Конвенции о защите прав человека не могут обеспечить эту свободу ни для кого из нас; но они способны гарантировать людям и сообществам свободу от огромного разнообразия разрушительных и тлетворных сил, которые слишком часто вступают в сговор, чтобы помешать достижению истинной свободы. Язык прав человека незаменим при обсуждении принципов гражданской справедливости и мира, но в то же время он служит высшим устремлениям человеческой природы, провозглашая и защищая неприкосновенное достоинство каждой души.

§63 Главным философским принципом, определяющим конвенции, на которых основывается теория прав человека, является важнейший приоритет человеческого достоинства, свободы, равенства и справедливости в социальном, гражданском и правовом устройстве любой страны. Никакой свод законов, никакая сфера привилегий или особых интересов, никакой национальный или международный императив не может стоять выше абсолютного морального требования к государству и всем его институтам защищать права человека. Таким образом, язык прав человека во всех смыслах согласуется с наиболее основополагающими принципами, которыми должна руководствоваться христианская совесть. Кроме того, все теории прав человека включают определенные правовые, гражданские, социальные и международные обязательства, налагаемые на каждое правительство. Среди законных прав, которые каждое государство обязано защищать и поощрять, есть ряд основных свобод, таких как свобода совести, свобода мысли, свобода слова, свобода прессы и так далее. Существуют также более конкретные правовые гарантии, которые должны быть обеспечены: право на безопасность, право на юридическое представительство при во всех случаях судебного преследования или полицейского расследования, иммунитет от необоснованных обысков, конфискаций или арестов, защита от лишения свободы без объяснения причин или без предъявления обвинения, строгие критерии доказательности, такие как правило *habeas corpus*. Кроме того, существуют гражданские права, которые следует рассматривать как

всеобщее и неотъемлемое достояние всех людей: право голосовать за или против тех, кто осуществляет политическую власть, равный доступ всех лиц к политическому представительству, свобода объединений, вероисповедания, право на мирные собрания и протесты, свобода трудящихся создавать профсоюзы, свобода от всех форм принудительного труда (даже для заключенных), защита от сегрегации, политики предвзятого отношения или преступлений на почве ненависти, свобода от дискриминации в жилищной сфере или в сфере занятости на любом основании, право на равную полицейскую защиту для всех лиц, защита неграждан от неравного обращения, законы, гарантирующие гуманную практику уголовного правосудия и лишения свободы, всеобщая отмена смертной казни и тому подобное. Что касается социальных прав, которые должно гарантировать всякое правительство, то они включают право на всеобщую бесплатную медицинскую помощь, одинаково доступную для людей, находящихся в любом экономическом положении, право пожилых людей на получение пенсий и пособий по социальному обеспечению в размере, достаточном для достойного и комфортного проведения остатка жизни, право на помощь по уходу за младенцами, на надлежащие социальные условия для малоимущих и людей с инвалидностью. Что касается конвенций о международных правах, то они должны, по меньшей мере, предполагать право каждого народа на защиту от агрессии и грабежа со стороны иностранных держав или корпораций, сохранение здоровой и пригодной для проживания окружающей среды, защиту от военных преступлений и решительное судебное преследование за их совершение, абсолютный запрет пыток, защиту от перемещения, право на бегство даже в случае пересечения национальных границ и универсальное право на убежище для лиц, перемещенных в результате войны, угнетения, бедности, гражданского кризиса, стихийных бедствий или преследования. Опять же, конвенции, на которых основана теория прав человека, не могут охватить или даже затронуть все то, что Православная Церковь желает для человека; сами по себе эти конвенции не могут победить эгоизм человеческих сердец или создать устойчивые формы сообществ. Они не могут дать всеобъемлющего и убедительного представления об общем благе, отвечающем всем материальным, моральным и духовным потребностям человеческой природы. Язык прав человека во многих отношениях является минимальным языком. Однако он при этом конструктивно лаконичен и может помочь сформировать и закрепить нормы милосердия, сострадания и справедливости, которые Церковь рассматривает как самый минимум из того, что следует требовать от каждого общества; и поэтому в современном мире этот язык должны непременно утверждать и

поддерживать все христиане.

§64 «Основопологающим правом человека является защита принципа религиозной свободы во всех её проявлениях – таких как свобода совести, вероисповедания, религии, включая свободу богослужения и религиозной практики в частном и публичном порядке, самолично и в общине, и право демонстрировать свою религиозную принадлежность. Сюда также входит право религиозных общин на религиозное образование и полноценное исполнение религиозных обязанностей без какого-либо прямого или непрямого вмешательства со стороны государства»[\[53\]](#). В любом обществе борьба за свободу вероисповедания и уважение к совести каждого человека является самым ярким доказательством превосходства любви над ненавистью, единства над разделением, сострадания над безразличием. Общество, защищающее свободу вероисповедания, – это общество, которое признает, что только через сохранение сферы духовных интересов, превосходящих даже интересы государства, народ может поддерживать моральные основы реального гражданского и социального единства. Совесть – это голос божественного закона в каждом из нас, поэтому подавление ее не может не привести к тому, что писанные законы страны будут несправедливыми и, в конечном итоге, саморазрушительными. Даже в странах с преобладающим вероисповеданием права большинства могут быть по-настоящему защищены от посягательств государства, неограниченного капитала или других разрушительных сил только в случае гарантированной защиты религиозных прав всех меньшинств. Вот почему Вселенский Патриархат неустанно стремится содействовать осуществлению права на свободу вероисповедания и богослужения для всех народов. Ведь в какой мере мы чтим веру других, в такой же мере можем ожидать уважительного отношения и к нашей собственной вере.

§65 Во время Великого поста 379 года св. Григорий Нисский произнес проповедь, которая, по-видимому, была первой зафиксированной в западной истории атакой на рабство как институт[\[54\]](#). До этого стоики и христиане протестовали в своих текстах против жестокого обращения с рабами и (как в случае наставления Павла Филимону) выступали за отношение к ним как к духовно равным своим господам. Но до этого никто не поднимал всерьез вопрос о нравственной легитимности самого факта подневольного состояния. Более того, рассуждения Григория всецело основывались на христианских принципах универсальности божественного образа во всех людях, равенства всех людей в Теле Христовом, крови, которой Христос приобрел все человечество для Себя, неразрывного единства всех людей как братьев и

сестер во Христе и так далее. Христианство родилось в мире господ и рабов, экономика которого повсеместно поддерживалась греховным принципом, согласно которому один человек может быть собственностью другого. Хотя ранняя Церковь не претендовала на то, что способна покончить с принудительным рабством в обществе, и даже не могла представить себе такой возможности, христианская община действительно сделала все возможное, чтобы создать сообщество и даже политическое устройство, в котором разница между господами и рабами упразднялась в силу равенства всех христиан как сонаследников Царства и, следовательно, как родни друг другу. Апостол Павел провозгласил, что во Христе нет ни раба, ни свободного, ибо все «одно во Христе» (Гал. 3:28). Поэтому он также повелел христианину Филимону принять беглого Онисима уже не как раба, а как брата (Флм. 15–16). Это подвигло св. Иоанна Златоуста сказать, что «Церковь не знает различия между господином и рабом»[\[55\]](#). Нет нужды напоминать, что христианское общество на протяжении веков не придерживалось этого правила, не признавало и не принимало должным образом ликвидацию института рабства, которая в этом правиле логически подразумевалась. И со временем христианская культура восприняла то зло, которого ей следовало избежать с самого начала. Лишь в современную эпоху для христианского мира стало вполне возможным совершенно недвусмысленно покаяться в том, что в этом отношении христиане оказались неспособны жить в полном согласии с освобождающим Евангелием Христа, Который пришел отпустить узников на свободу и дорого заплатить за их освобождение. Тем не менее, современный мир не полностью очищен от этого порочного установления. Православная Церковь признает, что приверженность защите прав человека и сегодня включает неустанную борьбу со всеми формами рабства, все еще существующими в мире. К ним относятся не только продолжающиеся практики принудительного рабства в различных частях света, но и ряд других практик, как уголовных, так и юридически дозволенных. Вот почему Вселенский Патриархат в последнее время уделяет особое внимание современному рабству. Бесчисленное количество детей, женщин и мужчин во всем мире сегодня страдают от различных форм торговли людьми: принудительного труда как детей, так и взрослых, сексуальной эксплуатации детей, женщин и мужчин, принудительных и ранних браков, привлечения в воинские формирования несовершеннолетних, эксплуатации мигрантов и беженцев, торговли человеческими органами и так далее. Сегодня мы видим, как огромные массы людей, вынужденных покинуть свои дома и страны из-за насилия, голода и бедности, оказываются уязвимыми для самых ужасных форм эксплуатации, в том числе как жертвы организованных преступлений. В

то же время, в некоторых частях мира власти и бизнес не только допускают, но даже поощряют принудительный, детский, неоплачиваемый труд и труд в опасных условиях. И некоторые страны – даже с процветающей экономикой – не стыдятся использовать различные виды принудительного труда, особенно труд осужденных. Православные христиане должны присоединиться к усилиям по искоренению современного рабства во всех его проявлениях, во всем мире и на все времена. Поэтому Церковь вновь заявляет, вслед за подписанной ею «Декларацией религиозных лидеров против современного рабства» (2 декабря 2014 года), что рабство – это «преступление против человечности», и что православные христиане должны объединиться со всеми членами своих общин и другими людьми в деле освобождения и дальнейшего возрождения всех попавших в рабство и ставших жертвами торговли людьми. На пути к достижению этой цели нашим противником является не только современное рабство, но и дух, который его питает: культ прибыли, повсеместный в наше время этос потребительства, а также низменные импульсы расизма, сексизма и эгоцентризма.

§66 Ни одно моральное предписание не составляет более постоянной темы в Священном Писании, начиная с первых дней Закона и Пророков и вплоть до эпохи Апостолов, чем гостеприимство и защита нуждающихся странников. «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской» (Исх. 22:21; ср. 23:9). «Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Лев. 19:34). «Ибо Господь, Бог ваш... не смотрит на лица... дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» (Втор. 10:17-19). «Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!» (Втор. 27:19). «Господь хранит пришельцев» (Пс. 145 [146]:9). «Странник не ночевал на улице; двери мои я отворял прохожему» (Иов 31:32). «Вот пост, который Я избрал:... скитающихся бедных введи в дом» (Ис. 58:6-7). «И приду к вам для суда и буду скорым обличителем... тех, которые... отталкивают пришельца, и Меня не боятся, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:5). «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр. 13:2). Христос, в сущности, дает понять, что само наше спасение зависит от гостеприимства, которое мы оказываем пришельцам: «Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя... странником... и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф. 25:44-45). Для христианской совести сегодня эти слова должны звучать особо мучительно и представлять особую проблему.

Двадцать первый век начался как век мигрантов и беженцев, спасающихся от жестоких преступлений, бедности, изменений климата, войн, засухи, экономической разрухи, просящих о безопасности, средствах к существованию и надежде. Повсюду в развитом мире люди соприкасаются с беженцами и лицами, ищущими убежища, многие из которых были допущены в чужую страну на законных основаниях, а немало – без документов. Ежедневно они беспокоят совесть граждан богатых стран своей уязвимостью, нищетой и страданиями. Это проявление глобального кризиса, но это также и личное обращение к нашей вере, глубочайшей нравственной природе, к самым неотъемлемым нашим обязанностям.

§67 Православная Церковь усматривает в бедственном положении этих перемещенных лиц не что иное как божественный призыв к любви, справедливости, служению, милосердию и бесконечной щедрости. Абсолютное обязательство Церкви защищать достоинство и отстаивать интересы мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежища, четко сформулировано в Окружном Послании Святого и Великого Собора: «Современная проблема беженцев и миграции, постоянно усугубляющаяся по политическим, экономическим и экологическим причинам, находится в центре внимания мира. Православная Церковь неизменно относилась и продолжает относиться к изгнанникам, ко всем пребывающим в опасности и нужде, основываясь на словах Господа: “Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне” (Мф. 25:35–36) и “истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мф. 25:40). На протяжении всего своего исторического пути Церковь находилась на стороне “труждающихся и обремененных” (Мф. 11:28). Никогда церковное человеколюбие не ограничивалось лишь совершаемыми время от времени актами благотворительности по отношению к нуждающимся и страждущим, но ставило своей целью устранение причин, повлекших за собой социальные проблемы. “Дело служения” Церкви (Еф. 4:12) признается всеми. Таким образом, мы направляем наш призыв прежде всего к тем, в чьей власти устранить причины возникновения кризиса беженцев, с тем чтобы они приняли надлежащие положительные решения. Мы призываем политические власти, православных верующих и прочих граждан стран, в которых нашли и продолжают находить пристанище беженцы, предоставить им любую возможную помощь, даже из последних средств»[\[56\]](#). Поэтому Церковь выражает признательность народам, которые приняли мигрантов и беженцев

и предоставили убежище ищущим его. Более того, она напоминает христианам повсюду, что такое гостеприимство зиждется на библейской заповеди, превосходящей интересы светских правительств. Современное национальное государство не является священным институтом, даже если порой оно и служит делу справедливости, равенства и мира. И границы – это не что иное, как случайности истории и условности права. Иногда и они служат полезной цели, но сами по себе они не являются моральным или духовным благом и не могут оправдать невыполнение нами священных обязанностей перед теми, кого Бог вверил нашей особой заботе. Сегодня можно наблюдать, как некоторые европейские правительства и огромный сонм идеологов стараются защищать «христианскую Европу», добиваясь полного закрытия границ, продвигая националистические и даже расистские идеи и отвергая слова Самого Христа бесчисленными другими способами. Мы видим, как в Европе, Австралии и обеих Америках поощряется нативистская паника*. В Соединенных Штатах, самой могущественной и богатой стране в истории – фактически возникшей из огромных потоков иммигрантов со всего мира – мы видим, как политические лидеры не только поощряют страх и ненависть к ищущим убежища и обнищавшим иммигрантам, но даже применяют против них террор: похищают детей у родителей, разрушают семьи, мучают родителей и детей, интернируют их всех на неопределенный срок, отказывают просителям убежища в надлежащей правовой процедуре, распространяют о них клевету и ложь, развертывают войска на южных границах с целью запугивания небооруженных мигрантов, используя расистскую и нативистскую риторику против просителей убежища ради достижения политической выгоды и так далее. Все подобные действия являются посягательством на образ Божий в тех, кто ищет нашей милости. Это – оскорбление Святого Духа. Во имя Христа Православная Церковь осуждает эти действия, умоляет виновных в них покаяться и вместо этого стараться стать служителями справедливости и милосердия.

VIII. Наука, технологии и природный мир

Твое от Твоих Тебе приносим

§68 Наш век – время все более ускоряющегося развития техники. Наша нынешняя способность трансформировать физическую реальность – как в благих, так и в злых целях – в истории человечества совершенно беспрецедентна и представляет собой одновременно и опасность, и ответственность, к которой человечество, похоже, в значительной степени не готово. Поэтому Православная Церковь должна, прежде всего, напомнить христианам о том, что наш мир (насколько бы он ни был омрачен грехом и

смертью) является благим творением Бога и благодатным даром всем Его созданиям. Вместе со св. Максимом Исповедником она утверждает, что присутствие человека в физическом космосе – это также духовное служение, своего рода космическое священство. Человечество занимает место *methorios*, границы, где встречаются и соединяются духовная и материальная сферы. Через это священническое посредничество свет духа просвещает всю сотворенную природу, а вся космическая реальность восходит в духовную жизнь. Так, по крайней мере, творение было задумано Богом, и таким оно будет при восстановлении всего, когда Он обновит небо и землю, и в Его свете возрадуются все существа земли, моря и воздуха. Христиане должны всегда помнить, что, согласно их учению, рабство творения у смерти есть следствие отступления человечества от его священнической роли, что во Христе это священство было восстановлено, и что окончательное спасение, обещанное в Священном Писании, охватывает всю космическую реальность, а потому достигнет совершенства только в обновленном творении (которое Священное Писание неоднократно изображает как изобилие животной и растительной жизни в не меньшей степени, чем жизни человеческой). Поэтому ответственность христиан в этом мире, в стремлении преобразить падшую природу на службе Царству, включает реальную ответственность за все творение и непрестанную заботу о его целостности и процветании. Как достичь этого в эпоху столь стремительных технологических изменений и такой колоссальной технологической мощи – вопрос, который им следует непрестанно задавать себе и к которому Церковь должна подходить с молитвенным рассуждением. Таково основание и контекст новаторских инициатив Вселенского Патриархата по сохранению окружающей среды. В этом также причина и логика установления блаженной памяти Вселенским Патриархом Димитрием еще в 1989 году даты 1 сентября как ежегодного Дня молитвы о Божием творении и его защите. Впоследствии эта дата была принята всеми Православными Церквями, Всемирным Советом Церквей и многими протестантскими конфессиями, Англиканским Содружеством, а также Папой Франциском для Римско-Католической Церкви.

§69 Миссия христианина преобразовать мир в свете Царства Божия – задача, охватывающая все творение, всю жизнь, любое измерение космической реальности. Везде, где есть страдания, христиане призваны приносить исцеление как облегчение и примирение. Вот почему Церковь в начале своей истории стала основывать больницы, открытые для всех людей, прибегая к известным на тот момент методам врачевания и лекарствам. Необыкновенная «Василиада» св. Василия была для бедных местом вспомоществования, а для больных – исцеления. Св. Василий писал: «Так и в рассуждении врачебного

искусства нет основания порицать дар Божий по причине лукавого употребления. Скотское было бы несмыслие надеяться себе получить здоровья единственно от рук врача <...> Но и то будет упорством, если во всяком случае избегать пользования врачебным искусством»[\[57\]](#). С самых первых дней существования Церкви врачебное служение было признано ею святым начинанием и подлинным соработничеством в Божиих делах. И ни в одной области человеческой деятельности развитие технологий не является столь желанным и не приветствуется так сильно, чем в медицине. Изобретение лекарств, антибиотиков, вакцин, терапии даже самых тяжелых болезней и так далее – это особенно выдающиеся достижения творчества человека, а значит, и особо ценные дары Бога. Тем не менее, скорость развития медицинских наук, испытания и использования в них новых технологий и методов лечения часто намного опережает человеческую способность к моральному осмыслению и духовному рассуждению. Церковь все чаще должна быть готова рассматривать и оценивать каждое медицинское новшество в отдельности, по мере его возникновения, а иногда учитывать использование его применение в каждом отдельном случае. Это часто оказывается необходимым, например, в подходе Церкви к способам оказания медицинской помощи престарелым и неизлечимо больным людям. Например, не может быть простого общего правила относительно того, когда продолжать лечение ради продления жизни, а когда от него воздержаться. Благополучие пациента, духовное и материальное благосостояние его семьи, здоровое различие между обычными и чрезвычайными усилиями по сохранению и продлению жизни – все эти моменты, как и многие другие, должны учитываться в каждом конкретном случае. Часто суждение, выносимое Церковью в отношении современных медицинских технологий, зависит от их практических и моральных предпосылок, то есть методов, которые они подразумевают, и этических последствий, которые эти методы могут за собой повлечь. Например, некоторые практики экстракорпорального оплодотворения или лечения травм позвоночника с помощью стволовых клеток могут включать в себя уничтожение человеческих эмбрионов на ранних стадиях развития, чего Церковь поддержать не может. Опять же, каждый медицинский случай, возможно, придется рассматривать отдельно. Церковь, например, вполне может благословить определенную терапию стволовыми клетками, чтобы облегчить симптомы конкретной травмы позвоночника, если используемые клетки не были извлечены у абортированных детей.

§70 Можно утверждать, что новые технологии развиваются еще быстрее вне сферы медицины. Здесь, безусловно, их развитие предполагает намного

большее разнообразие и проникновение в культуру. Например, только за последние несколько лет – едва ли больше, чем за одно-два десятилетия – мы стали свидетелями радикально новых разработок в области технологий коммуникации, сбора и сортировки данных, массового обмена сообщениями, мгновенного глобального распространения информации (или дезинформации, в зависимости от обстоятельств) и так далее. Каждое такое изменение приносит многочисленные выгоды, такие как возможность мгновенного гуманитарного вмешательства в ситуации природных катастроф или человеческой агрессии или новые способы общения и взаимопонимания между людьми и народами. Вместе с тем, эти же технологии создают новые возможности для злоупотреблений или непреднамеренно использования во зло. Сегодня различия между реальностью и фантазией, фактами и мнениями, новостями и идеологической пропагандой, а также между истиной и ложью становятся все более туманными и изменчивыми по причине огромного влияния интернета. В последние годы мы наблюдали многочисленные случаи систематического искажения общественного дискурса в интернете агентами, создающими путаницу с целью посеять раздор или повлиять на политические тенденции преимущественно путем обмана и дезориентации. Возможно, столь же пагубными являются незапланированные, но все же довольно распространенные случаи искажений информации, вызванные резким падением уровня цивилизованности в интернете. Привычное и повседневное использование риторики обвинений, провокаций и оскорблений, жестокости, запугивания и унижений – все эти духовно разрушительные практики слишком распространены в пространстве интернет-культуры. Вполне возможно, что сама природа современной мгновенной коммуникации делает такое зло почти неизбежным. Бесплотное, на удивление безличное и абстрактное качество виртуального общения, по-видимому, стимулирует аморальное и эгоцентричное поведение, которое было бы невозможным в случае реального, непосредственного присутствия другого человека. Здесь коммуникация слишком часто может становиться альтернативой подлинному общению и на самом деле бывает для него разрушительной. Мы также знаем, что интернет (во многом в силу тех же причин) может становиться поразительно мощным средством для развития множества навязчивых состояний и зависимостей, таких как просмотр порнографии или жестокие фантазии. На данный момент невозможно прогнозировать размеры пользы или вреда, которые может принести новая эра мгновенной глобальной коммуникации. Но величина последнего почти наверняка будет не меньше, чем первого, а во многих непредвиденных случаях и больше. Здесь Церковь

должна быть бдительной в отношении эффектов этих новых технологий и проявить мудрость в борьбе с наиболее пагубными из них. Ей также следует постоянно быть в курсе важнейших изменений в других или смежных областях исследований, таких как новые алгоритмы искусственного интеллекта или новейшие методы геномной модификации. От того, насколько хорошо она сумеет мобилизовать свои пастырские силы и ресурсы перед лицом этого постоянно ускоряющегося научного прогресса, несомненно, будет зависеть, насколько она будет в состоянии предложить истинное духовное убежище тем, кто ищет Бога и Его любви в современном мире.

§71 Возможно, первой задачей Церкви в ее попытках осмыслить стремительное развитие новейших технологий и утвердить себя как пространство духовной стабильности в условиях непрекращающегося потока научных и социальных изменений должны стать усилия по преодолению всякого кажущегося антагонизма между миром веры и миром науки. Одним из наиболее коварных аспектов современной западной культурной истории стало появление религиозного фундаментализма, включительно с фидеистическими формами христианства, приверженцы которого отказываются признавать открытия в таких областях, как геология, палеонтология, эволюционная биология, генетика и науки об окружающей среде. При этом столь же фидеистическими являются и формы идеологического «сциентизма» и метафизического «материализма», согласно которым вся реальность упорно сводится к чисто материальным силам и причинам, а вся область духовного – иллюзорна. Такой взгляд на реальность не поддерживается ни научными доказательствами, ни логикой; более того, он философски непоследователен. Несмотря на это, популярная интеллектуальная культура позднего модерна в значительной степени отмечена этими противоположными типами фундаментализма. Православную Церковь не интересует вражда между поверхностными философиями и, тем более, исторически неграмотные басни о некоем извечном конфликте между верой и научным разумом. Христиане должны радоваться достижениям во всех науках, с удовольствием извлекать из них пользу и содействовать научному просвещению, а также государственному и частному финансированию законных и необходимых научных исследований. Особенно в наш век экологического кризиса необходимо использовать весь потенциал научных исследований и теоретической базы для поиска более глубоких знаний о нашем мире и более эффективных способов устранения грозящих всем нам опасностей. Церковь приветствует все, что способствует благосостоянию человечества и творения в целом, и неустанно поощряет исследователей в соответствующих областях прилагать максимальные

усилия для облегчения страданий в мире. Это включает разработку новых технологий с целью обеспечить бедные регионы чистой водой, предотвратить истощение почв и болезни сельскохозяйственных культур, повысить урожайность и долговечность культур и так далее. Церковь призывает верующих быть благодарными и принимать научные открытия, даже те, которые могут иногда заставить их пересмотреть собственное понимание истории и структуры космической реальности. Страсть к научному познанию проистекает из того же источника, что и желание веры как можно глубже проникнуть в божественные тайны.

§72 Кроме того, Церковь не должна упускать возможности использовать научные ресурсы в пастырском служении и полагаться на технологические достижения интернета и социальных сетей в миссионерских целях. Ее пастырская практика, по крайней мере, должна учитывать то, что было изучено за последние столетия относительно сложности человеческих мотивов и желаний, а также относительно скрытых физических и психологических причин, которые часто влияют на поведение человека – включая генетические, нейробиологические, биохимические и психотравматические. Осознание этого ни в коем случае не должно затмевать понимания Церковью истинной силы греха в мире или необходимости покаяния и прощения в жизни каждого человека; оно также не должно побуждать Церковь рассматривать духовные болезни как чисто психологические расстройства, требующие только лечения, но не подлинного покаяния и возрождения в Духе Божиим. Однако глубокое понимание более широкого контекста затруднений, с которыми сталкиваются духовно-телесные существа в мире, терзаемом смертью и духовными недугами, может только помочь православным пастырям в понимании, напутствии и исцелении душ, находящихся в их ведении. И именно в духе истинного милосердия и христианского смирения эти пастыри могут признать, что некоторые проблемы являются настолько же результатом воздействия чисто случайных физических или психологических сил, как и следствием моральных ошибок с чьей-либо стороны. Те, кто посвящает себя душепопечению, должны быть готовы и даже стремиться учиться у тех, кто исследует естественную динамику ума и тела, и благодарить Бога за милость, которую Он дарует через предлагаемые ими открытия.

§73 В главном изложении и возвещении веры Церкви, Никео-Цареградском Символе, православные христиане исповедуют «единого Бога, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого». В Священном Писании сказано: «Увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). Слово

«хорошо» (*kalos*) в каноническом тексте греческого перевода Семидесяти (LXX) означает больше, чем просто ценность вещи, и даже больше, чем просто ее нравственную приемлемость; оно указывает еще и на то, что мир был сотворен и призван быть «прекрасным». Литургия св. Иакова также подтверждает это: «Троичен единый Бог Вседержитель, Которого славу небеса проповедуют, а земля – владычество Его, и море – державу Его, и всякая чувственная и разумная тварь непрестанно возвещает величие Его». Эта глубокая вера в благо и красоту всего творения является источником и содержанием всего космического видения Церкви. На праздник Богоявления православные христиане поют: «Ныне освящается водное естество, земля благословляется, небеса просвещаются», «чтобы и стихии, и ангелы, и люди славили Твое пресвятое Имя» (из чина Великого освящения воды). Св. Максим Исповедник говорит, что люди не отгорожены от остального творения; по самой своей природе они связаны с ним [58]. И, таким образом, когда человечество и творение находятся друг к другу в правильном отношении, род людской исполняет свое призвание благословлять, возвышать и *преображать* космос, так что присущее космосу благо может проявиться даже в его падшем состоянии. Этим прославляется пресвятое Имя Божие. Тем не менее, люди слишком часто считают себя чем-то отдельным и обособленным от остального творения, вовлеченным в материальный мир лишь постольку, поскольку они могут или должны использовать его в собственных целях; они игнорируют, презирают и даже порой умышленно отвергают свою связь с остальным творением. Раз за разом человечество отказывается от своего призвания преобразовать космос и, напротив, обезображивает наш мир. А со времени зарождения индустриальной эпохи способность человека причинять вред неуклонно возрастает. Как следствие, сегодня мы сталкиваемся с такими ранее немыслимыми катастрофами, как все более интенсивное таяние ледяных покровов и ледников, отравление дождевых и речных вод ядовитыми веществами, загрязнение питьевой воды фармацевтическими препаратами и трагическое сокращение и даже вымирание многих биологических видов. Вопреки всем силам – политическим, социальным и экономическим, корпоративным и гражданским, духовным и материальным – которые способствуют упадку наших экосистем, Церковь стремится культивировать поистине литургический и таинственный путь к общению с Богом в Его творении и через него, – путь, непременно подразумевающий сострадание ко всем и заботу обо всем творении.

§74 Труд по преобразению космоса требует значительных усилий, непрестанной борьбы с падшими аспектами человечества и мира. Чтобы за него взяться, требуется аскетический этос, способный переориентировать

волю человека так, чтобы восстановить его связь со всем творением. Такой этос напоминает христианам, что творение, как божественный дар любящего Создателя, существует не просто для нашего потребления по собственной прихоти или желанию, но, скорее, как сфера общения и наслаждения; его благо является общим для всех людей и всех созданий, и его красоту мы призваны беречь и защищать. Среди прочего, это подразумевает усилия по прекращению расточительного и разрушительного использования природных ресурсов, работу по сохранению мира природы для нынешнего и будущих поколений, а также практику воздержания и мудрой умеренности во всем. Однако все это вряд ли возможно без глубокого воспитания благодарности. Без благодарения мы не становимся по-настоящему людьми. Это, по сути, и есть само основание евхаристического самопонимания Церкви и ее миссии в мире. Когда человечество находится в гармонии со всем творением, такое благодарение приходит легко и естественно. Когда гармония нарушается или заменяется раздором, как это часто бывает, благодарение, напротив, превращается в обязанность, иногда трудновыполнимую. Но только такое благодарение может по-настоящему исцелить разделение, отчуждающее человечество от остального сотворенного порядка. Когда люди учатся дорожить земными ресурсами в истинно евхаристическом духе, они уже не могут относиться к творению как к чему-то отдельному от них самих, как к всего лишь полезной вещи или собственности. Тогда они оказываются по-настоящему способны принести мир Его Создателю в искреннем благодарении – «Твое от Твоих Тебе приносим о всех и за всё» (из анафоры Божественной литургии св. Иоанна Златоуста) – и в этом богослужебном действии восстанавливается все творение: все вновь обретает свое изначальное, задуманное Богом, предназначение и до некоторой степени вновь облекается в первозданную красоту.

§75 Церковь понимает, что этот мир, как творение Божие, есть священная тайна, глубина которой достигает предвечного совета его Создателя; и это само по себе исключает всякое высокомерное господство над ним со стороны людей. Действительно, эксплуатация мировых ресурсов всегда должна рассматриваться как проявление «первородного греха» Адама, а не как надлежащий способ получения чудесного дара Божия в творении. Такая эксплуатация есть проявление эгоизма и жадности, которые возникают вследствие отчуждения человечества от Бога и последующей утраты им правильных отношений с остальной природой. Поэтому, как мы неоднократно подчеркивали, каждый акт эксплуатации, загрязнения и злоупотребления Божиим творением должен быть признан греховным. Апостол Павел описывает творение как «совокупно стенающее и мучащееся доныне» (Рим.

8:22), «ибо тварь с надеждою ожидает» (Рим. 8:19), что она «освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:21). Последствия греха и нашего отчуждения от Бога бывают не только личные и социальные, но также экологические и даже космические. Потому наш экологический кризис следует рассматривать не просто как этическую дилемму; это онтологическая и богословская проблема, требующая радикального изменения мышления, а также нового образа жизни. И это должно повлечь за собой изменение наших привычек не только как индивидуумов, но и как вида. Например, наше зачастую небрежное потребление природных ресурсов и произвольное использование ископаемого топлива приводят к все более катастрофическим процессам изменения климата и глобальному потеплению. Поэтому поиск альтернативных источников энергии и усилия по минимизации воздействия на планету в настоящее время являются необходимым выражением нашего призвания преобразовать мир.

§76 Никто из нас не существует в изоляции от всего человечества или от всего творения. Мы зависимые существа, всегда находящиеся в сопричастности, и, следовательно, несем моральную ответственность не только за себя или за тех, на кого оказываем непосредственное влияние, но и за весь сотворенный порядок – весь, так сказать, космический град. В наше время особенно важно понимать, что служение ближнему и сохранение природной среды глубоко и неразрывно связаны. Существует тесная и неразрывная связь между нашей заботой о творении и служением Телу Христову, а также между экологическими условиями на планете и экономическим положением бедных. Ученые утверждают, что от нынешнего экологического кризиса наибольший ущерб по-прежнему будут нести самые малоимущие. Это означает, что проблема изменения климата также является вопросом социального обеспечения и социальной справедливости. Поэтому Церковь призывает правительства всего мира способствовать развитию наук об окружающей среде с помощью образования и государственного субсидирования научных исследований, а также финансировать технологии, способные исправить пагубные последствия выбросов углерода, загрязнений и всех форм деградации окружающей среды.

§77 Кроме того, следует помнить, что люди являются частью сложной и тонкой сети творения и что их благополучие неотделимо от благополучия всего природного мира. Как утверждал св. Максим Исповедник, во Христе преодолены все аспекты отчуждения человечества от его собственной природы, включая его отчуждение от остального физического космоса; и

Христос пришел также для того, чтобы возродить материальное творение в его изначальной природе как земной рай Божий[59]. Поэтому наше примирение с Богом непременно должно выражаться и в примирении с природой, в том числе и с животными. Неслучайно в повествовании о сотворении мира в Книге Бытия говорится, что творение животного мира и человечества происходило в один день (Быт. 1:24-31). Не следует также забывать, что, согласно повествованию о Великом потопе, завет Ноя с Богом включил животных в ковчеге и все их потомство, на вечные времена (Быт. 9:9-11). Уникальное величие человечества в этом мире, образ Божий в каждом человеке – это также особая ответственность и служение, священство на службе всему творению в его непреодолимом стремлении к славе Божией. Человечество разделяет землю со всеми остальными живыми существами, но только оно среди всех других обладает способностью и властью заботиться о ней (или, к сожалению, губить ее). Животные, наполняющие мир, свидетельствуют о щедрости Божией творческой любви, о ее многообразных и богатых проявлениях. Все звери в естественном мире окутаны Божией любовью; ни одна из малых птиц не забыта у Бога (Мф. 10:29) Более того, самой своей невинностью животные напоминают нам о рае, утраченном из-за человеческого греха, а их способность к страданию без вины – о космическом катаклизме, вызванном отчуждением человечества от Бога. Мы должны также помнить, что все обетования Священного Писания относительно грядущего века касаются не только духовной судьбы человечества, но и будущности искупленного космоса, в котором изобильно присутствует растительная и животная жизнь и который будет обновлен до состояния вселенской гармонии.

§78 В житиях святых есть множество историй о диких зверях, которые обычно ужасают людей или враждебно к ним относятся, но которые были привлечены добротой святых мужчин и женщин. В VII веке авва Исаак Ниневийский определил сердечное милосердие как «возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных... и о всякой твари»[60]. Это постоянный мотив в свидетельствах о святых. Св. Герасим исцелил раненого льва у реки Иордан; св. Губерт, сподобившийся видения Христа во время охоты на оленей, провозгласил этику охраны природы для охотников; св. Колумбан подружился с волками, медведями, птицами и кроликами; св. Сергей приручил дикого медведя; св. Серафим Саровский кормил диких животных; св. Мария Египетская вполне могла дружить со львом, который впоследствии охранял ее останки; св. Иннокентий исцелил раненого орла; св. Меланжель знаменита своей защитой диких кроликов и

укрощением охотившихся на них хищников; в современный период св. Паисий жил в гармонии со змеями. И не только животные, но и растения должны быть объектами нашей любви. Св. Косма Этолийский проповедовал, что «люди станут бедными, ибо не будут иметь любви к деревьям и растениям» [61], а св. Амфилохий Патмосский спрашивал: «Знаете ли вы, что Бог дал нам еще одну заповедь, которая не записана в Священном Писании? Это заповедь любить деревья». Аскетический этос и евхаристический дух Православной Церкви полностью совпадают в этом великом таинственном видении творения, в котором обнаруживаются следы присутствия Бога «вездесущего и всё наполняющего» (молитва Святому Духу) – даже в мире, который все еще томится в рабстве греха и смерти. Более того, такое видение связывает людей со всем творением и побуждает их радоваться благу и красоте всего мира. Эти этос и дух совокупно напоминают нам о том, что благодарность и удивление, надежда и радость – это единственно подобающая, в самом деле, по-настоящему творческая и плодотворная, позиция перед лицом экологического кризиса, с которым сейчас столкнулась планета, поскольку только они могут вселить в нас готовность и решимость неустанно, как и подобает, служить благу творения – из любви к нему и к его Создателю.

IX. Заключение

Возрадуемся, верные, ведь Христос дал нам якорь надежды [62]

§79 Излишне говорить, что в документе такого рода возможно затронуть только часть существующих проблем, и его авторы могут предвидеть лишь некоторые дополнительные вопросы, которые могут возникнуть у тех, кто с ним ознакомится. Поэтому мы предлагаем его с осторожностью и смиренным признанием того, что в качестве всеобъемлющего изложения социального этоса Церкви он во многих отношениях совершенно недостаточен. В этом смысле он является не более чем приглашением к дальнейшим и более глубоким размышлениям со стороны верующих. Более того, социальный этос Церкви реализуется не только через исполнение этических предписаний, но также – и наиболее полно – через литургическое ожидание Божественного Царства. Ничто из написанного здесь не сможет принести плод, если будет взято отдельно от полноты таинственной жизни тех, кто призван погрузиться в огонь Святого Духа, соединиться таким образом со Христом и через Христа – с Отцом. У Отцов Церкви, и особенно в учении Дионисия Ареопагита, небесное славословие ангельских сил и чинов праведников, окружающих царский престол Христа (ср. Откр. 7:11), одновременно совершает и сообщает архетипическое и совершенное богослужение, к которому все

творение призвано от века. Именно эта небесная литургия вдохновляет и наполняет земное таинство Евхаристии[63]. Эта неразрывная и неотчуждаемая связь между небесным градом ангельских сил и святых и земной жизнью Церкви в мире есть необходимое обоснование этических принципов Евангелия и Церкви; ибо эти принципы представляют собой не что иное, как путь к участию в вечном богослужебном самопревосхождении (*ekstasis*), которое одно только способно удовлетворить тварную природу и возвысить ее до своего божественного предназначения. Однако для того чтобы православные христиане соответствовали нравственным заповедям Христа, каждый должен ежедневно нести свой крест, и это в некоторой степени предусматривает аскетическую дисциплину «блаженного плача» – не в качестве какой-то катарсической эмоциональной разрядки, а, скорее, как акт покаяния в своем отчуждении от благодати Божией. Вот почему в заповедях блаженств плачущие блаженны во Христе, Который обещает им уверенность в божественном утешении: «Блаженны плачущие; ибо они утешатся» (Мф. 5:4).

§80 Церковь существует в мире, но она не от мира (Ин. 17:11, 14–15). В этой жизни она находится на пороге между землей и небом и свидетельствует из века в век о вещах еще не виденных. Церковь пребывает среди народов как знак и образ постоянного и вечного мира Царства Божия и как обещание всецелого исцеления человечества и восстановления сотворенного порядка, разрушенного грехом и смертью. Те, кто «во Христе», – уже «новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17). Это – слава Царства Отца, Сына и Святого Духа, отблеск которой можно видеть уже сейчас на сияющих и преображенных ликах святых. И все же Церковь – это не только живая икона Царства, но и непрестанное пророческое свидетельство надежды и радости в мире, израненном отвержением Бога. Это пророческое призвание требует не молчать перед лицом несправедливости, лжи, жестокости и духовных нестроений, и это не всегда легко даже в современных свободных обществах. Характерной чертой многих наших современных обществ, и, что удивительно, их не всегда совпадающих политических систем, как на Востоке, так и на Западе, является новое учение о том, что существует такая вещь, как «чистая» общественная сфера, которая, в попытках быть одновременно нейтральной и универсальной, должна исключать выражение людьми своих религиозных взглядов. Более того, в таких обществах религия по сути понимается как личное дело, которому не место в публичных дискуссиях об общем благе. Но это неверно в принципе, и на практике почти всегда действует подавляюще. С одной стороны, секуляризм сам по себе является формой современной идеологии, наделенной собственной неявной

концепцией добра и справедливости. Если его навязывать слишком императивно поистине многообразному обществу, он превращается в очередное авторитарное кредо. В некоторых современных обществах религиозные голоса в публичных местах принудительно заглушаются законодательством, будь то путем запрета религиозных символов или даже определенных стилей одежды, или же через отрицание того, что религиозные люди в вопросах этического характера способны действовать согласно совести, не нарушая неотъемлемых прав других людей. По правде говоря, люди не могут возводить непроницаемые перегородки между своими нравственными представлениями и глубочайшими убеждениями о природе реальности, а потому просить или заставлять их делать это – значит положить начало неприязни, углублению разделений, фундаментализму и раздорам. Несомненно, современные общества становятся все более разнообразными в культурном отношении; и Православная Церковь не только не жалеет об этом факте, но и радуется каждой возможности для встречи и установления взаимопонимания между людьми и народами. Но это взаимопонимание становится невозможным, если определенные голоса заглушаются законами в принудительном порядке, и в отсутствие такого взаимопонимания, а отчасти, возможно, и в результате принуждения, проблемы гораздо более серьезные и разрушительные, чем просто гражданские разногласия, могут вырасти и выйти за рамки искусственно стерилизованной общественной сферы. Поэтому Православная Церковь не может согласиться с тем, чтобы религиозная совесть и убеждения были отнесены к какой-то сугубо частной сфере, хотя бы потому, что ее вера в Царство Божие определяет все аспекты жизни верующих, включая их взгляды на политические, социальные и гражданские проблемы. Церковь также не может просто признать претензии на несомненную конгениальность, бескорыстие и беспристрастность абстрактного секуляризма; любая идеология может стать репрессивной, если получит безоговорочную власть диктовать условия общественной жизни. В то время как скромный светский порядок, который не навязывает религию своим гражданам, является совершенно приемлемым и благородным идеалом, правительство, ограничивающее даже обычные проявления религиозной идентичности и убеждений, легко превращается в мягкую тиранию, которая, в конце концов, приведет скорее к разделению, чем к единству.

§81 Тем не менее, Церковь уважает и даже почитает основополагающую свободу каждого человека, заложенную в него изначально в силу пребывающего в нем божественного образа. Эта свобода необходимо включает в себя как право принимать и любить Бога, открывшегося в Иисусе

Христе, так и отвергать христианское Евангелие и придерживаться других убеждений. Следовательно, во все времена и на всяком месте Церковь призвана одновременно свидетельствовать и о своем видении человеческой личности как преображенной верностью воле Отца, явленной в Иисусе Христе, и о неприкосновенности подлинной свободы каждого человека, включающей его право отказаться от этой верности. Опять-таки, Церковь одобряет социально-политическое многообразие и просит лишь о том, чтобы оно было подлинным, то есть чтобы допускало истинную свободу совести и свободное выражение веры. Ее собственная миссия состоит в том, чтобы возвещать Христа Распятого всем народам во все времена и призывать всех к жизни Царства Божия. А эта миссия неизбежно предполагает устойчивый диалог с современной культурой и четкое изложение истинно христианского видения социальной справедливости и политического равенства в современном мире.

§82 «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3:17). Православная Церковь считает своим призванием осуждать жестокость и несправедливость, экономические и политические структуры, способствующие бедности и неравенству и поддерживающие их, а также идеологические силы, поощряющие ненависть и фанатизм; но она не призвана судить мир, народы или души. Миссия Церкви состоит в том, чтобы показывать спасительную Божию любовь, дарованную в Иисусе Христе всему творению: любовь поправную и, казалось бы, побежденную на Кресте, однако победно сияющую из пустого Гроба в день Пасхи; любовь, дарующую вечную жизнь миру, омраченному и обезображенному грехом и смертью; любовь, часто отвергаемую, и все же страстно желаемую каждым сердцем. Учитывая все это, комиссия смиренно предлагает данный документ всем, кто расположен услышать его предложения, и особо призывает всех православных верующих – священнослужителей и мирян, женщин и мужчин – принять участие в его молитвенном обсуждении, чтобы содействовать провозглашаемому в нем миру и правде и чтобы внести свою лепту в дело Царства в местных приходах и общинах. В этом отношении возрождение диаконского чина, мужского и женского, может послужить полезным инструментом для усвоения и применения предложенных в настоящем заявлении принципов и указаний. Комиссия также обращается к православным семинариям, университетам, монастырям, приходам и связанным с ними организациям с просьбой поощрять осмысление документа, извинить его недостатки, попытаться приумножить достоинства и содействовать его принятию верующими. Все, кто были к нему причастны, искренне молятся о том, чтобы написанное здесь

способствовало продвижению дела, начатого в 2016 году Святым и Великим Собором Православной Церкви, и в дальнейшем помогало исполнять волю Божию в Его Церкви и в мире.

Перевод Лидии Лозовой и Игоря Мялковского

[1] Василий Великий, *Беседа II о человеке* 15.61.

[2] Иринеи Лионский, *Доказательство апостольской проповеди*, 22.

[3] *Изречения святого Антония Великого*, 9, 3. PG 65.77B.

[4] См. Василий Великий, *Нравственные правила*, 3-5.

[5] Афанасий Великий, *Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти*, 54.3. PG 25b.192B.

[6] Иринеи Лионский, *Против ересей* 4.15.1. См. *Sources Chrétiennes* 100, Paris: Cerf, 1965, 548-549.

[7] Иринеи Лионский, *Против ересей* 4.16.5. См. *Sources Chrétiennes* 100, Paris: Cerf, 1965, 571-572.

[8] Иоанн Дамаскин, *Точное изложение православной веры* 4.22. PG 94.1200B.

[9] Максим Исповедник, *Амбигва* 42. PG 91.1329C.

[10] Иоанн Златоуст, *Беседы на послание к Римлянам*, Беседа 5.5. PG 60.429.

[11] *Мученичество Поликарпа*, 10. PG 5.1037A.

[12] См. Юстиниан, *Новелла* 6, 35.27-21.

[13] *О тщеславии и о том, как должно родителям воспитывать детей*, 27. См. *Sources Chrétiennes* 188, Paris: Cerf, 1972, 114.

[14] См. Ассамблея православных епископов Германии, *Послание епископов Православной Церкви в Германии молодежи о любви, сексуальности и браке*, 2017.

[15] Особенно на Гангрском Соборе 340 г. PL 67.55D.

[16] Раздел II. 5. ii.

- [17] Иоанн Златоуст, *Беседа 12 на Послание к Колоссянам 4*, 18. PG 62.388C.
- [18] *Дидахе*, 2.
- [19] Софроний (Сахаров), архимандрит, *Преподобный Силуан Афонский*, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011, 263.
- [20] «Вторая евангельская заповедь», в Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария), *Жатва духа: Религиозно-философские сочинения*, Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2004, 376–377.
- [21] *Лествица, возводящая на небо*, Степень 4.47. PG 88.705A.
- [22] Василий Великий, *Беседы на Шестоднев*, Беседа 10.18. *Sources Chrétiennes*, vol. 160.
- [23] *Слово 37.6*. PG 36.289C.
- [24] Постоянная конференция канонических православных епископов Америки, *Пастырское послание о самоубийстве*, 2007
- [25] См. Григорий Нисский, *К Олимпию о совершенстве*. PG 46.285C.
- [26] Василий Великий, *Беседа на слова «Разорю житницы мои»*. См. начиная с PG 31.261A.
- [27] Василий Великий, *Беседа на Шестоднев 7.3*. PG 29.152C.
- [28] Василий Великий, *Беседа, произнесенная во время голода и засухи, 7 7*. PG 31.321CD.
- [29] Иоанн Златоуст, *Беседы на Евангелие от Матфея*, 5.5. PG 57.60–61.
- [30] Иоанн Златоуст, *Семь слов о Лазаре*, 2.4. PG 48.987–988.
- [31] Иоанн Златоуст, *Беседы о статуях*, 2.6. PG 49.43.
- [32] Иоанн Златоуст, *Беседы на слова апостола: «Но, имея тот же дух веры, как написано...»*. PG 51.299.
- [33] Иоанн Златоуст, *Беседы на Первое Послание к Коринфянам*, 10.3. PG 61.85 и *Толкование на Первое Послание к Тимофею*, 11.2. PG 62.555B.

- [34] Амвросий Медиоланский, *Шестоднев*, 6. См. начиная с PL 14.257A. *Изъяснение Евангелия от Луки*, Книга 7. См. начиная с PL 15.1699A.
- [35] Василий Великий, *Беседы на псалмы*, 14.1.6. PG 29.263B.
- [36] Амвросий Медиоланский, *О Навуфее израильтянине*, 3.11–15. PL 14.769B.
- [37] «Вторая евангельская заповедь», в Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария), *Жатва духа: Религиозно-философские сочинения*, 374.
- [38] Преподобный Силуан Афонский, 394.
- [39] Василий, *Правило 13*. См. его *Письмо 188*. PG 32.681C.
- [40] Иустин, *Первая апология*, 39. PG 6.388B.
- [41] *Апостольское предание*, 16.9.
- [42] Афинагор, *Прошение о христианах*, 35. PG 6.968C.
- [43] Лактанций, *Божественные установления*, 6.20. PL 6.705B.
- [44] Иоанн Златоуст, *Беседы о статуях*, 17.1. PG 49.173B.
- [45] Василий, *Письмо 203*, 2. PG 32.737B.
- [46] Василий, *Письмо 114*. PG 32.528B.
- [47] Святой и Великий Собор, *Окружное послание*, §2-3.
- [48] Г. В. Флоровский, «Этос Православной Церкви», в *Избранные богословские статьи*, Москва: Издательство «Пробел» (2000), 265–266.
- [49] Святой и Великий Собор, *Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром*, §2–3.
- [50] Иустин, *Первая апология*, 46. PG 6.397B. Также *Вторая апология*, 8,10 и 13. PG 6.457A, 460B, 465B.
- [51] Максим, *Амбигва 7*. PG 91.1081C.
- [52] Параграф 17.
- [53] Святой и Великий Собор, *Окружное Послание*, §16.
- [54] Григорий Нисский, *Точное истолкование Екклезиаста Соломонова*, *Беседа*

4. PG 44.664В.

[55] Иоанн Златоуст, *Толкование на Послание к Филимону*, Беседа 1. PG 62.705В.

[56] Параграф 19.

* Нативизм – политика продвижения интересов местных жителей против интересов иммигрантов.

[57] Св. Василий. *Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах*, Вопрос 55. PG 31.1048В.

[58] Максим Исповедник, *Мистагогия* 7. PG 91.684.

[59] Максим, *Амбигва*, 41. PG 91.130CD.

[60] Преподобный Исаак Сирин, *Слова подвижнические*: Слово 48, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008, 253.

[61] *Пророчество* 96.

[62] Канон Святой Пасхи, Песнь девятая.

[63] См. Дионисий Ареопагит, *Сочинения. Толкования Максима Исповедника*, Санкт-Петербург: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002.

— goarch.org